

ДВА ГОДА ЗА ГРАНИЦЕЙ
СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛЮ.

(1881 — 1883).

Л. С. Бѣлосрицъ-Котляревскаго.

ИРОСЛАВЛѢ.

Типо-Литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собствен. домъ.

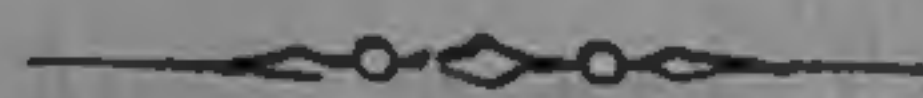
1880.

ДВА ГОДА ЗА ГРАНИЦЕЙ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛЮ.

(1881—1883).

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-Литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собствен. домъ.

1889.

ДВА ТОДА ЗА ГРАНИТЕЙ

СЪЗДАНОЮ ИВРЮ

1881-1882

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
За директора *Н. Суворовъ.*

ОСЛОВА

(Словарь) (Словарь) (Словарь) (Словарь) (Словарь) (Словарь) (Словарь) (Словарь) (Словарь) (Словарь)

1882

ДВА ГОДА ЗА ГРАНИЦЕЙ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛЮ. (1881—1883 г.).

I.

Германія.

Оставляя въ мартѣ мѣсяцѣ 1881 г. Кіевъ, я рѣшилъ весенній семестръ текущего года посвятить Лейпцигскому Университету; туда меня тянуло имя профессора Биндинга, достаточно извѣстное въ ученомъ мірѣ. Пріѣхалъ я въ Лейпцигъ уже тогда, когда лекціи начались и шли самымъ правильнымъ образомъ. Я отправился взглянуть на alma mater. Зданіе университета, называющееся Augusteum, выходитъ своимъ наружнымъ, показнымъ, такъ сказать, фасадомъ на обширную величественную площадь, называемую Augustusplatz, и представляетъ почти правильный четырехугольникъ съ разными перегородками внутри. Съ площади внутрь зданія Augusteum ведетъ арка, которая служитъ входомъ; такимъ образомъ, университетъ лишенъ всякихъ парадныхъ entrées, что значительно отнимаетъ у него внѣшнюю красу и смѣшиваетъ его съ прочими частными постройками — тѣмъ болѣе, что упомянутая арка весьма грязна, нѣчто въ родѣ тѣхъ въѣздныхъ воротъ главныхъ улицъ нашихъ большихъ городовъ, гдѣ иногда располагаются торговцы картинами. Внутренній видъ Augusteum еще менѣе удовлетворяетъ требованіямъ изящества: зданія мрачны, дворъ грязенъ, аудиторіи часто лишены достаточнаго свѣта; большинство скамей и кафедръ въ послѣднихъ весьма древне и простотою напоминаетъ обстановку русскихъ провинціальныхъ гимназій. Кафедры въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ устроены такъ, что профессоръ можетъ удобно ими пользоваться для чтенія лекцій какъ сидя, такъ и стоя. Для этого на задней ровной части крышки кафедры приспособлена доска,

которая может быть приподнята, укреплена и, такимъ образомъ, может служить полкой, на которой лектору удобно расположить нужныя для него пособія. Это послѣднее приспособленіе вызвано тѣмъ, что большинство профессоровъ предпочитаетъ читать лекціи стоя, находя не безъ основанія, что подобное положеніе наиболее удобно для лектора. Нѣкоторые изъ нихъ варьируютъ это положеніе; читая лекцію, они часто перемѣняютъ послѣднее: то сидятъ, то стоятъ, то наконецъ ходятъ возлѣ кафедры. Это послѣднее съ особенною любовью практикуется почтеннымъ старцемъ Виндшейдомъ; всякій разъ, какъ только онъ собирается о чемъ-нибудь говорить съ увлеченіемъ, онъ оставляетъ кафедру и торопливыми шагами описываетъ возлѣ нея недлинную кривую. Тоже самое продѣлываетъ и Виндингъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ.

Внѣшній способъ чтенія лекцій большею частью свободное устное изложеніе. Правда, почти каждый лекторъ имѣетъ предъ собою записки, но они для него играютъ роль лишь указателя внѣшней системы изложенія; онъ заглядываетъ туда только для того, чтобы не измѣнить выработанной имъ системѣ изложенія. Съ конспектомъ въ прямомъ значеніи этого слова приходятъ очень немногіе лектора; они считаютъ неудобнымъ тратить время на составленіе послѣдняго, когда безъ него легко можно обойтись, имѣя подъ руками записки. При чтеніи лекцій практикуется диктовка студентамъ основныхъ положеній читаемаго; къ ней прибѣгаетъ почти каждый профессоръ, за немногими исключеніями, почему студенты являються на лекцію, вооруженные перьями, съ тетрадами и чернильницами. У каждого студента есть нарочитая сумка, предназначенная для помѣщенія всѣхъ средствъ, необходимыхъ для записыванія диктуемаго, и вотъ онъ съ этой сумкой и является на лекцію. Но странное дѣло: студентъ считаетъ своею обязанностью записать лишь то, что диктуется, записывать всю лекцію онъ считаетъ излишнимъ; по крайней мѣрѣ, я не могъ замѣтить ни одного изъ студентовъ, который бы взялъ на

себя сей трудъ. Вслѣдствія этого обычай записыванія въ Лейпцигскомъ Университетѣ сильно напоминаетъ школьные, гимназическіе порядки. Подобно тому, какъ въ школахъ, въ гимназіяхъ замѣчается суэта, движеніе между учениками, когда учитель прикажетъ что-либо записать, подобно этому, говорю я, въ Лейпцигскомъ Университетѣ въ аудиторіяхъ подымается шумъ, стукъ, трескъ перьевъ, шелестъ бумаги, движеніе на скамьяхъ, когда профессоръ движеніемъ пальца дастъ знакъ, что нужно записать. Лишь только профессоръ окончилъ диктовку, студенты кладутъ свои перья и больше считаютъ лишнимъ себя беспокоить до новаго магическаго знака лектора. Этимъ, такъ сказать, чисто школьнымъ порядкомъ записыванія, вѣроятно, объясняется полная почти невозможность достать подробныя лекціи профессоровъ, не смотря на то, что среди студентовъ попадаются стенографы.

Посѣщеніе лекцій студентами замѣчательно аккуратное; въ этомъ отношеніи нѣмецкіе студенты представляютъ рѣзкое отличіе отъ русскихъ, и, замѣчательно, аккуратность посѣщенія лекцій къ концу семестра почти не ослабѣваетъ. Даже отчаянные бурши, застарѣлые члены корпорацій, и тѣ, за рѣдкими исключеніями, не манкируютъ посѣщеніемъ лекцій; напротивъ, они успѣваютъ часто побывать на лекціяхъ и тогда, когда накануне ночь провели въ кутежахъ и дебошахъ. Аккуратность и склонность къ порядку нѣмецкой націи отражается и на студентахъ. Въ Лейпцигскомъ Университетѣ нѣтъ особаго помѣщенія для верхней одежды, подобнаго тому, какое отводится въ русскихъ университетахъ. Въмѣсто этого на стѣнахъ аудиторій прибиты брючя, на которыхъ предоставляется самимъ студентамъ вѣшать свою верхнюю одежду, и вы видите, что буквально ни одинъ студентъ не займетъ мѣста на скамьѣ, прежде чѣмъ не повѣситъ своего пальто, зонтика и даже шляпы. Самые ярые члены корпорацій, такъ любящіе свои цвѣтныя шапочки, символъ ихъ корпорацій, и тѣ сохраняютъ полную порядочность, обязательно вѣшая свои шапочки вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ красоваться на скамь-

яхъ. Вообще, поведеніе студентовъ въ стѣнахъ Университета самое приличное; къ профессору они относятся съ подобающимъ уваженіемъ, всегда цѣня въ немъ своего наставника, учителя.

Все это о внѣшнемъ строѣ Лейпцигскаго Университета; переходу теперь къ его внутреннему строю. Лейпцигскій Университетъ по составу и качеству своихъ научныхъ силъ занимаетъ второе, если не первое, мѣсто въ Германіи. Имена Вундта, Виндшейда, Рошера, Биндинга, Курціуса и другихъ замѣтно выдвигаютъ этотъ университетъ и привлекаютъ массу слушателей. Въ весенній семестръ сего года общее число студентовъ по официальнымъ даннымъ простиралось до 3276. Въ числѣ слушателей встрѣчаются представители почти всѣхъ частей свѣта, начиная Европой и кончая Азіей и Африкой. Слушателей изъ внѣ европейскихъ государствъ 43, въ томъ числѣ 1 негръ, 2 японца, 2 жителя Канады, 1 Чилиецъ, 3 изъ Бразиліи, 1 изъ Боливіи. Высшій процентъ слушателей (838 человекъ) былъ на юридическомъ факультетѣ, преподавательскій составъ котораго считается самымъ блестящимъ. Изъ числа членовъ этого состава меня, разумѣется, болѣе всего интересовали спеціалисты моего предмета, ординарные профессора — Вахъ и Биндингъ, на которыхъ я и позволю себѣ нѣсколько остановиться.

Профессоръ Вахъ читаетъ лекціи по уголовному процессу. Его живое, почти свободное, всегда дѣльное изложеніе привлекаетъ большое число слушателей. Читаетъ онъ всегда при помощи записокъ, куда заглядываетъ съ цѣлью не сбиться въ системѣ изложенія. Въ весенній семестръ настоящаго года онъ занимался, во 1-хъ, изложеніемъ уголовного процесса по новому общегерманскому судебному уставу, во 2-хъ, практическими упражненіями со студентами по уголовному праву. Сии послѣднія представляли, по моему мнѣнію, наиболѣе интересную часть преподаванія г. Ваха. Они были организованы совершенно иначе, чѣмъ это заведено въ нѣкоторыхъ нашихъ университетахъ. Здѣсь студенты не готовили рефератовъ и не читали ихъ въ аудиторіяхъ

для того, чтобы потомъ вызвать разъясненія и пренія со стороны товарищей и профессора. У г. Ваха дѣло обыкновенно происходило такимъ образомъ. За нѣсколько дней передъ упражненіемъ проф. Вахъ вручалъ студентамъ литографированные листки, въ которыхъ излагался голый остовъ какого либо практическаго случая или даже и двухъ и ставился вопросъ, какого рода это преступленіе. Студенты брали съ собою эти листки и являлись съ ними на слѣдующую лекцію, но не они разбирали данный юридическій случай, а самъ профессоръ, при чемъ онъ по временамъ въ видѣ дилеммы ставилъ вопросъ, на который студенты отвѣчали, такъ сказать, общимъ хоромъ. Достаточно было, чтобы кто нибудь изъ нихъ далъ хотя приблизительно подходящее рѣшеніе, чтобы профессоръ прекратилъ паузу и началъ снова свое объясненіе. Тоже самое онъ дѣлалъ и тогда, когда въ теченіи какой либо секунды никто не порывался отвѣтить на поставленный вопросъ. Вслѣдствіе этого самостоятельности студентовъ, ихъ самостоятельному юридическому мышленію на практическихъ упражненіяхъ г. Ваха оставался самый ограниченный просторъ; это были собственно не практическія занятія студентовъ съ профессоромъ, а практическія занятія профессора со студентами: упражнялся профессоръ, а не студенты. Оригинальность, однако, юридическихъ случаевъ, взятыхъ изъ нѣмецкой судебной практики, съ одной стороны, остроумное разрѣшеніе ихъ согласно отечественному кодексу — съ другой, сообщали практической лекціи г. Ваха значительный интересъ, что и замѣтно было на полнотѣ аудиторіи.

Что же касается уголовного процесса, то изложеніе послѣдняго лишено было особеннаго интереса, ибо здѣсь лекціи г. Ваха представляли попреимуществу обстоятельный комментарий новаго судебного устава со ссылками на практику и постановленія иностранныхъ судебныхъ уставовъ.

Болѣе достойны вниманія лекціи уголовного права проф. Биндинга, читавшаго четыре раза въ недѣлю, каждый разъ по 2 ча-

са. Послѣ Виндшейда Биндингъ имѣетъ, можно сказать, наибольшее число слушателей, не уступая въ этомъ отношеніи маститому Рошеру. Лекціи его отличаются оригинальностью, хотя не всегда соединенною съ ясностью изложенія, изобличая обширную начитанность лектора, его основательное знакомство не только съ нѣмецкой литературой по уголовному праву, но также съ французской, бельгійской, итальянской и англійской. Читаетъ онъ обыкновенно свободной рѣчью, имѣя на всякій случай подъ руками тетрадку, изъ которой онъ диктуетъ студентамъ важнѣйшія положенія. Лекціи свои онъ всегда иллюстрируетъ примѣрами изъ судебной практики, преимущественно нѣмецкой, при чемъ обнаруживаетъ способность самого тонкаго анализа практическихъ случаевъ. Подобно Виндшейду, Биндингъ по временамъ воодушевляется и тогда, возвысивъ голосъ, легко увлекаетъ вниманіе слушателей. Курсъ, который онъ читаетъ студентамъ, если бы онъ былъ напечатанъ, составилъ бы весьма объемистый томъ, а то и два; такъ широко его изложеніе. Обыкновенно онъ преподаетъ этотъ курсъ въ слѣдующей системѣ. Сначала опредѣляетъ понятіе и предметъ уголовного права, затѣмъ излагаетъ вкратцѣ исторію послѣдняго, подробнѣе останавливаясь на уголовномъ правѣ временъ Юстиніана и Карла V, далѣе слѣдуютъ источники уголовного права—нормы и уголовные законы и, наконецъ, ученіе о преступленіи, которое онъ разбиваетъ на два отдѣла: а) ученіе о преступленіи, какъ объ юридическомъ явленіи и б) ученіе о преступленіи, какъ о наказуемомъ деликтѣ. Каждый изъ этихъ большихъ отдѣловъ онъ разбиваетъ на меньшіе, гдѣ и укладываетъ содержаніе общей части уголовного права. Въ первомъ онъ говоритъ: а) о виновной сторонѣ дѣянія (*die Schuldseite des Verbrechens*), б) о составѣ преступленія, в) о вѣнненіи дѣянія въ вину и д) о субъектѣ преступленія; во второмъ рѣчь идетъ: а) о наказаніи и о причинной связи между преступленіемъ и наказаніемъ, б) о средствахъ наказанія, в) объ уголовномъ эквивалентѣ за отдѣльное преступленіе и д) объ основаніяхъ исклю-

ченія наказанія (Gründe der Straflosigkeit.). Изъ всѣхъ этихъ рубрикъ мы остановимся на важнѣйшемъ вопросѣ нашей науки, а именно на ученіи о природѣ и основаніи наказанія.

Что такое наказаніе, спрашиваетъ Биндингъ? Наказаніе есть лишеніе правовыхъ благъ, которое государствомъ силою закона налагается на преступника съ цѣлью удовлетворенія за неоправимое правонарушеніе, дабы тѣмъ поддержать авторитетъ нарушеннаго закона. Наказаніе есть лишеніе, т. е. потеря правовыхъ благъ, и означаетъ для преступника въ юридическомъ смыслѣ зло, хотя бы онъ и не принималъ, не испытывалъ его, какъ таковое. Наказаніе только потому и возможно, что лицо обладаетъ правовыми благами; совершенно безправный субъектъ не можетъ быть наказанъ, точно также какъ тотъ, который какихъ либо, положимъ, имущественныхъ благъ лишень, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ наказаній недоступень. Очень часто государство принуждено бываетъ нѣкоторыхъ субъектовъ лишать правовыхъ благъ ради цѣлей, совершенно отличныхъ отъ цѣлей наказанія, напр. въ интересахъ защиты страны и т. п., но только такое лишеніе есть наказаніе, которое со стороны государства налагается для побужденія преступника къ удовлетворенію за неоправимое правонарушеніе для поддержанія авторитета закона. Такимъ образомъ, право наказанія есть ничто иное какъ обратное право требованія государствомъ подчиненія со стороны виновнаго. Благодаря нормамъ, государство получаетъ право требованія со стороны всякаго посягающаго на законъ исполненія своихъ запретовъ и повелѣній. Если кто нибудь преступнымъ образомъ содѣлалъ то, что уголовный законъ запрещаетъ, тѣмъ самымъ онъ показываетъ, что онъ пренебрегъ своей обязанностью подчиненія. Отсюда для источника права, т. е. государства, открывается выборъ: или оставить нарушеніе мира безъ воздѣйствія или же осуществить свое право требованія подчиненія со стороны нарушителя мира. Но прямое, невидопзмѣненное осуществленіе этого послѣдняго права теперь также трудно, какъ трудно возвращеніе вещи послѣ ея ги-

бели, ибо право требованія подчиненія не можетъ быть реализовано принудительнымъ образомъ. Никакимъ образомъ невозможно принудить преступника съ этихъ поръ подчиняться нарушенному имъ запрету, ибо упорный умыселъ не можетъ быть уничтоженъ средствами принужденія и доброе намѣреніе не можетъ быть снова легко восстановлено. Цѣль наказанія, такимъ образомъ, не можетъ заключаться въ томъ, чтобы нарушителя правоваго порядка превратить въ добраго гражданина, ибо если бы это послѣднее было возможно, то достаточно было бы съ этого момента преступника принудить къ исполненію его обязанности, хотя бы его прежнее нарушеніе послѣдней и осталось безъ возмездія, безъ наказанія. Вѣрнѣе, слѣдуетъ признать, что право требованія подчиненія должно быть превращено, подобно превращенію обязанности возврата вещи въ обязанность ея вознагражденія, въ право, необходимо осуществляемое принудительнымъ образомъ. Но это право заключается вовсе не въ томъ: 1) чтобы принудить преступника къ исправленію случившагося, потому-что это послѣднее навсегда останется непоправимымъ, ибо если нѣкоторыя вредныя послѣдствія преступленія и могутъ быть уничтожены, за то само преступленіе есть уже явленіе исторіи и какъ таковое не можетъ быть уничтожено; 2) чтобы восстановить нормальное отношеніе преступника къ закону, ибо подобное возстановленіе требуетъ непризужденной перемѣны воли, притомъ въ этомъ случаѣ серьезное раскаяніе послѣ cadaго преступленія служило бы основаніемъ къ исключенію наказанія. Скорѣе, это право заключается въ требованіи отъ преступника удовлетворенія за непоправимый вредъ, причиненный имъ правовому порядку. Если онъ сдѣлалъ то, чего право не желало, то онъ долженъ теперь претерпѣть то, что право на него возлагаетъ и чего онъ не хочетъ. Такимъ образомъ, наказаніе не есть исправленіе (Heilung), а принужденіе виновнаго къ воздаянію одного зла другимъ; это — не месть, еще менѣе — тальонъ, ибо государство не можетъ преступнику сдѣлать то же, что сдѣлалъ онъ государству.

Наказаніе есть выраженіе и мѣра интереса, какой государство имѣетъ въ исполненіи отдѣльныхъ законовъ: на сколько, по его воззрѣнію, оставленіе правонарушенія безъ воздѣйствія находится въ противорѣчій съ святостью и ненарушимостью закона, или насколько продолжающаяся безнаказанность роняетъ авторитетъ закона болѣе, чѣмъ это можетъ быть допущено, на столько же для него основательна обязанность наказанія. Должно было бы думать, что необходимое устрашеніе превращаетъ право наказанія въ обязанность; наказаніе не должно и не можетъ устрашать, ибо большая часть преступленій совершается въ надеждѣ избѣжать наказаніе, въ надеждѣ на безнаказанность. Скорѣе, наказаніе должно вселить и утвердить представленіе о святости и ненарушимости обязанности соблюденія закона и, такимъ образомъ, содѣйствовать тому, чтобы большая часть людей по собственному крайнему разумѣнію находила болѣе цѣлесообразнымъ жить сообразно такой обязанности. Нельзя, конечно, считать основательной презумцію, будто наказаніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ своего примѣненія возвращаетъ нарушенному закону ту твердость, которой его лишаетъ преступленіе или, говоря иначе, будто наказаніе есть исправленіе зла; но справедливо, что на сколько преступникъ старается подорвать законъ, на столько наказаніе старается снова утвердить этотъ послѣдній въ его силѣ.

Изъ сказаннаго можно было бы заключить, что Биндингъ основаніе наказанія относитъ именно къ преступленію, а не къ тѣмъ цѣлямъ, которыя внѣ его лежатъ и имъ могутъ быть достигнуты; на самомъ же дѣлѣ Биндингъ не выдерживаетъ логически своихъ исходныхъ положеній и впадаетъ въ эклектизмъ, объясняемый столь присущимъ ему увлеченіемъ діалектическими тонкостями. По мысли лектора, необходимо отличать уголовное право отъ уголовной обязанности или наказанія; первое почерпаетъ свое основаніе только въ фактѣ правонарушенія, вторая-же, кромѣ того, и въ другихъ обстоятельствахъ, а именно въ соображеніяхъ настоящихъ и будущихъ интересовъ авторитета закона. Необхо-

димось разграниченія уголовного права отъ уголовной обязанности видна, кромѣ того, и изъ слѣд. словъ. Не потому государство признаетъ положеніе — *nulla poena sine lege poenali*, чтобы оно считало себя обязаннымъ объявлять преступнику прежде его дѣянія, какое наказаніе слѣдуетъ за его преступленіе, а потому, что оно чувствуетъ необходимость превращенія актомъ благо-разумнаго законодательства своего уголовного права въ обязанность наказанія и дѣлаетъ это одинъ разъ для всѣхъ не потому, чтобы оно обязано было рѣшать въ конкретномъ случаѣ, слѣдуетъ ли назначить наказаніе и какое, но чтобы во всѣхъ случаяхъ знать, установлена ли его обязанность наказанія и какое ея содержаніе. *Уголовный законъ, слѣдовательно, превращаетъ подлежащее наказанію правонарушеніе въ преступленіе, но тотъ же уголовный законъ превращаетъ право наказанія въ обязанность.* Такимъ образомъ, ученіе Бинданга объ основаніи наказанія въ сущности примыкаетъ къ смѣшаннымъ или соединительнымъ теоріямъ, отъ которыхъ, однако, отличается тѣмъ, что ихъ комбинацію сравнительно простыхъ понятій — справедливости и пользы онъ замѣняетъ весьма туманнымъ построеніемъ, котораго вся сила въ діалектической игрѣ словъ.

Изъ Лейпцига въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года я отправился въ Гейдельбергъ. Туда меня тянула не столько современная слава тамошняго юридическаго факультета, сколько традиціонная. Познакомившись съ университетомъ, я убѣдился, что его внѣшняя обстановка еще бѣднѣе, чѣмъ въ Лейпцигѣ. Зданіе ни мало не напоминаетъ академическихъ построекъ; оно представляетъ мало впускающій сѣрый, мрачный видъ, рѣшительно ничемъ не выдвигающій его изъ ряда окружающихъ строеній. — Невзрачность его легко объясняется его первоначальнымъ назначеніемъ — служить монастыремъ, что, какъ мы сообщали, и было на самомъ дѣлѣ. Внутренняя обстановка Гейдельбергскаго университета вполне гармо-

нируетъ съ внѣшней; входы и лѣстницы носятъ какой-то средне-вѣковой характеръ; зала торжественныхъ собраній запечатлѣна патріархальною простотою и отсутствіемъ какого-либо изящества; скамьи своей конструкціей и пестротой импровизированныхъ студенческихъ нарѣзовъ свидѣтельствуютъ наглядно о своей стародавности; стѣны и потолки аудиторій такъ давно отремонтированы, что на нихъ успѣло собраться много копоти и пыли, окрашивающихъ ихъ въ какой-то темно-сѣрый цвѣтъ.

Не смотря на свою внѣшнюю неприглядность, Гейдельбергскій университетъ привлекаетъ достаточное сравнительно число слушателей; такъ, въ нынѣшнемъ зимнемъ семестрѣ общая цифра ихъ простиралась, согласно оффиціальному отчету, до 635. Среди слушателей встрѣчаются не только европейцы разныхъ государствъ, но и жители другихъ частей свѣта: американцы—24, австралійцы—2 и африканцы—1. По факультетамъ наибольшее число слушателей приходится на философскій и затѣмъ на юридическій; на первомъ числилось 245, а на второмъ—206. Значительный контингентъ слушателей на юридическомъ факультетѣ объясняется, главнымъ образомъ, его прошедшей славой; нынѣшній преподавательскій составъ послѣдняго не можетъ похвалиться ни блестящими лекторами, ни выдающимися авторитетами, въ особенности—за смертью Блунчли. Мало того, въ немъ не всѣ даже кафедры замѣщены; среди ихъ остаются праздными такія важныя, какъ кафедра уголовного права и судебной медицины. Послѣдняя уже нѣсколько лѣтъ остается вакантною; что же касается кафедры уголовного права, то она не имѣла лектора, впрочемъ, только въ этомъ году послѣ того, какъ прежній профессоръ Ленинъ предпочелъ Вѣну, куда онъ былъ приглашенъ.

Занятія мои въ Гейдельбергѣ составляли: 1) *слушаніе лекцій*. Изъ профессоровъ—не юристовъ я слушалъ *Куно-Фишера*, излагавшаго исторію христіанской философіи отъ начала христіанства до времени реформаціи. Я рѣшился посѣщать его лекціи по многимъ соображеніямъ: 1) въ силу ближайшей связи пред-

мета ихъ съ занимающимъ меня вопросомъ о преступленіяхъ противъ религіи; 2) за недостаткомъ лекцій по исторіи философіи права, которыя будутъ читаться только въ слѣдующемъ семестрѣ и въ 3) въ силу замѣчательно увлекательнаго изложенія. Исторіи чисто христіанской философіи Куно-Фишеръ предпослалъ очеркъ греческой философіи, причемъ подробнѣе останавливался на тѣхъ ученіяхъ, въ которыхъ яснѣе отражаются идеи, близкія по духу къ христіанскимъ, какъ напр. на ученіи Сократа. Въ этомъ очеркѣ лекторъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и ясностью изложилъ постепенный ходъ освобожденія тогдашнихъ лучшихъ умовъ отъ антропологическихъ представленій и пробужденія въ нихъ сознанія болѣе отвлеченной глубокой идеи поклоненія божеству „въ духѣ и истинѣ“. Въ его рѣчахъ сквозила та мысль, что греческую философію слѣдуетъ разсматривать какъ предвѣріе, предтечу христіанской. За греческой философіей слѣдовало изложеніе ученій нѣкоторыхъ еврейскихъ раввиновъ, ученій, въ которыхъ нерѣдко съ замѣчательной прозрачностью сквозятъ чисто христіанскія идеи, какъ напр. у Гиллела, ученію котораго профессоръ посвятилъ цѣлую лекцію. Затѣмъ слѣдовало изложеніе самаго христіанства, которое отличалось замѣчательной полнотой и обстоятельностью. О первоначальныхъ годахъ жизни Іисуса Христа, въ періодъ отрочества и юношества, лекторъ не считаетъ возможнымъ создать основательное представленіе за недостаткомъ твердыхъ данныхъ, находя попытку въ этомъ отношеніи Ренана неудачной, какъ построенную большею частью лишь на натянутомъ толкованіи отдѣльныхъ мѣстъ евангелія. Вообще Куно-Фишеръ слишкомъ скептически относится къ научнымъ достоинствамъ труда Ренана о христіанствѣ, признавая за нимъ лишь ту заслугу, что тотъ изучалъ послѣднее на самомъ мѣстѣ его первоначальнаго возникновенія. Между прочимъ, при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи и подлинности евангелій Куно-Фишеръ часто совершенно отвергалъ построенія Ренана, замѣняя ихъ собственными или же у другихъ заимствованными. Съ бѣльшимъ до-

вѣріемъ лекторъ относится къ Страусу, котораго онъ признаетъ солиднымъ изслѣдователемъ. Наиболѣе блестящими лекціями Куно-Фишера были тѣ, въ которыхъ онъ излагалъ постепенныя видоизмѣненія, которыя принимало чистое ученіе Христа подъ вліяніемъ чуждыхъ ученій или неправильнаго его толкованія; онъ указалъ источникъ этихъ послѣднихъ и условія, при которыхъ они воссоединились съ христіанствомъ. Нельзя было не поражаться замѣчательной глубиной свѣдѣній лектора въ данномъ вопросѣ: самыя разнообразныя ученія какъ греческаго, такъ и восточнаго происхожденія излагались лекторомъ съ такою наглядною, если можно такъ выразиться, легкостью и указаніемъ различія въ основныхъ пунктахъ, что у слушателя само собой создавалось представленіе объ источникахъ многихъ чуждыхъ примѣсей, наслоеній христіанства. Лекціи Куно-Фишера поэтому не исчезаютъ безслѣдно въ умѣ слушателя; лекторъ поражаетъ не только замѣчательною многосторонностію знаній, но и умѣньемъ передавать нерѣдко самыя отвлеченныя представленія, понятія съ неподражаемой, пластичной, такъ сказать, легкостью, образностію, въ силу чего воспринятое легко запечатлѣвается въ памяти. Куно-Фишеръ давно уже понялъ свое чарующее вліяніе на слушателей и постарался изучить, усовершенствовать различныя внѣшнія приемы, дабы еще болѣе усилить впечатлѣніе. Я говорю—изучить, усовершенствовать—потому, что мимическіе приемы Куно-Фишера показываютъ, что онъ дѣйствительно прошелъ въ этомъ отношеніи своего рода школу.

Изъ профессоровъ юристовъ я слушалъ, главнымъ образомъ, криминалиста Гейнце, читавшаго уголовный процессъ. Система его курса слѣдующая. Разбивъ его на три части, онъ въ первой устанавливаетъ понятіе процесса вообще и уголовного въ частности съ указаніемъ его родовъ, а также называетъ источники и литературу; при указаніи послѣдней Гейнце былъ до нельзя кратокъ; такъ, изъ французской литературы былъ упомянутъ только трудъ Эли. Первая часть у Гейнце носитъ названіе введенія.

Вторая или особенная часть представляет изложеніе хода уголовного процесса въ его стадіяхъ. Здѣсь онъ сначала показалъ этотъ ходъ въ прежнемъ *общемъ* нѣмецкомъ правѣ, а затѣмъ перешелъ къ современному реформированному, какъ онъ называется, уголовному процессу. При изложеніи послѣдняго онъ держался слѣдующаго порядка: а) полицейскій розыскъ и предварительное слѣдствіе, б) судебное слѣдствіе, с) сокращенный процессъ, d) заочное производство, е) способы защиты права въ прежнемъ *общемъ* нѣмецкомъ процессѣ и въ нынѣшнемъ реформированномъ; здѣсь шла рѣчь о ревизіи, апелляціи, кассациі; при опредѣленіи кассациі лекторъ сдѣлалъ мѣткую и обстоятельную характеристику положеній французскаго права въ данномъ вопросѣ; f) возобновленіе процесса и g) исполненіе приговора и судебныя издержки. Таковъ составъ особенной части курса уголовного судопроизводства Гейнце. Эта часть не представляла особеннаго интереса для слушателя, знакомаго съ положеніями новаго нѣмецкаго *Reichsstrafprozessordnung*, ибо лекторъ ограничивался большею частію изложеніемъ послѣднихъ, не пускаясь даже въ обстоятельный комментарий; интересъ представляли лишь историческіе очерки и экскурсіи въ французское право.

Наконецъ, третья или общая часть, самая интересная, представляла изложеніе общихъ принциповъ раціональнаго построенія уголовного процесса. Она дѣлится на слѣдующія пять рубрикъ: 1) руководящія положенія уголовного процесса; 2) субъекты его; 3) компетенція судовъ; 4) процессуальныя дѣйствія суда вообще и 5) доказательства. Въ этой части особенно любопытенъ въ смыслѣ оригинальности взглядъ Гейнце на судъ присяжныхъ. По мнѣнію Гейнце, судъ присяжныхъ въ томъ видѣ, какъ онъ теперь организованъ, неудовлетворителенъ и требуетъ реформы. Сколько ни говорятъ, замѣчаетъ онъ, что присяжные призваны судить лишь фактъ, а не право, но на дѣлѣ подобное раздѣленіе почти не достигается и присяжнымъ часто приходится обсуживать фактъ съ точки зрѣнія дѣйствующаго права или въ свя-

зи съ нимъ. Между тѣмъ, составъ присяжныхъ большею частью представляетъ лицъ, незнакомыхъ съ правомъ или мало знакомыхъ, а потому и неспособныхъ уяснить себѣ отношеніе факта и права. Заблуждаясь на счетъ такого отношенія, присяжные легко впадаютъ въ крайность и произносятъ оправдательный вердиктъ тамъ, гдѣ они при знаніи права объявили бы обвинительный или наоборотъ; последнее, впрочемъ, встрѣчается довольно рѣдко. Поэтому-то было бы гораздо цѣлесообразнѣе, говорить Гейнце, если бы предсѣдателю суда предоставлено было право *участвовать* въ совѣщаніяхъ присяжныхъ; это участіе принесло бы ту пользу, что восполнило бы недостатокъ среди присяжныхъ свѣдущаго въ правѣ элемента и такимъ образомъ предупредило бы нерѣдкія ошибки, послѣдствія этого недостатка. Опасаться же дурнаго вліянія предсѣдателя суда на приговоръ присяжныхъ едва ли, по мнѣнію Гейнце, основательно; при утвержденіи начала самостоятельности судей, вытекающаго изъ ихъ несмѣняемости, эти опасенія излишни, такъ-какъ въ лицѣ такого судьи исчезаютъ спеціальныя побужденія, навѣяныя сверху, со стороны правительства, желать болѣе обвинительнаго, чѣмъ оправдательнаго вердикта или вообще—желать болѣе строгаго, чѣмъ снисходительнаго. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія Гейнце сослался на примѣръ англійскаго единоличнаго судьи, рѣшающаго съ присяжными, который, хотя не участвуетъ въ совѣщаніяхъ послѣднихъ, но, благодаря широтѣ правъ, ему предоставленныхъ, пользуется громаднымъ вліяніемъ на приговоры, можно сказать, рѣшительнымъ, до крайней мѣрѣ, въ очень частыхъ случаяхъ. И, однако, никто не скажетъ, замѣчаетъ лекторъ, чтобы слѣдовало урѣзать права англійскаго судьи и его вліяніе на присяжныхъ. Гейнце настолько скептически относится къ удовлетворительности устройства суда присяжныхъ на континентѣ Европы, что признаетъ организацію суда совѣсти въ видѣ шеффенгерихта болѣе раціональной и отвѣчающей своему назначенію. Пусть будетъ лучше судъ шеффеновъ, чѣмъ присяжныхъ, сказалъ Гейнце, если не хотятъ реформировать послѣдній.

Говоря о лекціяхъ Гейнце, считаю не лишнимъ указать то основаніе, которое онъ приводитъ въ оправданіе предварительнаго изложенія особенной части предъ общею. По его мнѣнію, построенія теоріи всегда будутъ прочнѣе, когда онѣ являются продуктомъ позитивнаго метода, продуктомъ предварительнаго знакомства съ существующимъ положеніемъ вещей; поэтому чѣмъ говоритъ объ общихъ началахъ процесса, лучше прежде познакомиться съ нимъ въ его настоящемъ положеніи. Такимъ образомъ, по мнѣнію Гейнце, анализъ долженъ предшествовать синтезу. Трудно согласиться съ лекторомъ; признавая даже нѣкоторую основательность его взгляда, нельзя не назвать его систему неудовлетворительной, какъ такую, которая далеко не согласуется съ этимъ взглядомъ. Въ его общей части излагаются вовсе не однѣ только теоретическія основы процесса и его организаціи; здѣсь встрѣчаются и такія вещи, которыя, согласно его взгляду на систему, должны были войти въ особенную часть. Такъ, наприм., лекторъ ни слова не заикнулся о компетенціи суда въ особенной части, перенесъ этотъ вопросъ цѣликомъ, т. е. съ изложеніемъ его по новому нѣмецкому процессуальному уставу, въ общую часть. Точно также объ экстраординарныхъ судахъ — *fora extraordinaria* — въ особенной части ни слова; все это опять таки перенесено въ общую часть. Мало того. Лектору въ особенной части пришлось волей-неволей излагать нѣкоторыя общія основанія организаціи процесса, которымъ мѣсто, согласно его взгляду, въ общей части. Въ видѣ примѣра укажу на рубрику *с* его особенной части. Здѣсь говоря объ особенностяхъ судебного слѣдствія при участіи присяжныхъ и шеффеновъ, Гейнце долженъ былъ предварительно дать общія понятія о судѣ совѣсти и указать различіе въ организаціи суда шеффеновъ и присяжныхъ, такъ-что въ общей части ему пришлось говорить только о подробностяхъ названной организаціи съ критической оцѣнкой. Точно также рѣчь объ исправленіи приговора присяжныхъ судомъ въ случаѣ признанія послѣднимъ рѣшенія первыхъ неправильнымъ, какъ поста-

повлечнаго въ ущербъ обвиняемому, въ лекціяхъ Гейнце шла только въ особенной части. Но излагая въ послѣдней положеніе даннаго вопроса по имперскому уголовному судебнику, онъ долженъ былъ коснуться вообще его теоретической постановки. Не безынтересно его замѣчаніе, сдѣланное на 317 ст. судебника, трактующую о данномъ вопросѣ. По мнѣнію Гейнце, эта статья цѣлесообразнѣе рѣшала бы вопросъ, если бы она устанавливала вторичное разсмотрѣніе дѣла не въ томъ судѣ, гдѣ оно впервые разбиралось, а въ другомъ. Только въ постороннемъ нейтральномъ судѣ можно видѣть гарантію безпристрастнаго приговора; при существующемъ же порядкѣ, когда дѣло разбирается въ томъ же судѣ, но только въ новомъ составѣ присяжныхъ, эта гарантія сомнительна, ибо судъ, признавшій неправильность перваго приговора, употребить все свое вліяніе, чтобы второй вердиктъ соотвѣтствовалъ его взглядамъ. Да и вообще, въ округѣ перваго суда, гдѣ дѣло разбиралось, оно легко можетъ вызвать страсти, агитацію, которыя способны отразиться на приговорѣ втораго состава присяжныхъ.

Кромѣ теоретическихъ лекцій, я посѣщалъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ и практическія занятія профессоровъ со студентами; послѣднія, однако, на юридическомъ факультетѣ весьма ограничены и носятъ, какъ и въ Лейпцигѣ, нѣсколько школьный характеръ. Вотъ въ какомъ видѣ онѣ представляются на лекціяхъ профессора римскаго права—Карлова. Послѣдній беретъ какойнибудь характерный казусъ изъ римскаго права и разбираетъ его совмѣстно со студентами, предлагая послѣднимъ вопросы. Если отвѣты студентовъ неудачны, Карлова самъ разрѣшаетъ вопросъ съ самыми подробными комментаріями; комментаріи онъ дѣлаетъ и въ случаѣ удачнаго отвѣта для лучшаго и болѣе обстоятельнаго разъясненія вопроса. Кромѣ того, Карлова иногда задаетъ студентамъ въ аудиторіи письменную работу, заключающуюся также въ разрѣшеніи какого-либо казуса; потомъ забираетъ тетради на домъ, прочитываетъ ихъ и дѣлаетъ замѣчанія, представляя себѣ въ послѣдствіи въ аудиторіи подробнѣе ихъ развитіе предъ студентами.

2. *Осмотръ Брукзальскаго пенитенціарія.* Послѣдній мнѣ удалось осмотрѣть благодаря участию профессора Гейнце, который, нужно замѣтить, весьма обязателенъ и любезенъ въ своихъ отношеніяхъ къ молодымъ криминалистамъ. Я посѣтилъ два пенитенціарія: новый—для мужчинъ и старый—для женщинъ и малолѣтнихъ попреимуществу. Новый пенитенціарій, существующій, по словамъ директора, уже 30 лѣтъ, представляетъ видъ звѣзды съ чертырьмя крыльями, расходящимися изъ середины центральнаго зданія. Это послѣднее устроено такъ, что изъ него видно, во-первыхъ, все происходящее въ корридорахъ флигелей, во-вторыхъ—все, что могло-бы случиться на кровлѣ послѣднихъ и на окружной стѣнѣ, ибо это зданіе возвышается цѣлою башнею надъ флигелями. Въ каждомъ флигелѣ по обѣимъ сторонамъ корридора находятся кельи для одиночнаго заключенія; онѣ имѣютъ въ длину приблизительно 5—6 шаговъ, въ ширину 3—4; полъ выстланъ шлифованными пластами камня въ видѣ довольно красивой мозаики; окна устроены въ верху у самаго потолка; въ кельяхъ господствуетъ чистота и опрятность. Дабы дать возможность тюремному сидѣльцу попросить, что ему нужно, устроены звонки. Освѣщаютъ кельи газомъ; для очищенія воздуха въ стѣнахъ, не далеко отъ двери, вставлены вентиляторы; отопленіе паровое. На стѣнахъ каждой кельи обязательно висятъ: календарь и таблица распредѣленія занятій по днямъ недѣли. Нѣкоторыя кельи, служащія въ одно и тоже время мѣстомъ заключенія и мастерской, имѣютъ верстакъ и разныя орудія: долота, сверлы, пилы и т. п. Въ дверяхъ каждой кельи есть сѣтчатая оконца, дающія возможность наблюдать за сидѣльцемъ незамѣтно для него; кромѣ того, на нихъ обозначаются: № класса, къ которому преступникъ принадлежитъ въ школѣ, и первоначальныя буквы исповѣдуемой имъ религіи. Вотъ все внѣшнее устройство келій; но это келіи одиночныя. Что же касается келій для совмѣстнаго заключенія, то они отъ первыхъ отличаются главнымъ образомъ просторностью; кромѣ того, въ каждой изъ нихъ есть рѣшетчатое окно, незакрытое

стекломъ, ведущее въ спальню дядьки, наблюдающаго за заключенными; чрезъ это окно онъ видитъ все, что происходитъ въ комнатѣ и слышитъ разговоръ заключенныхъ.

Въ тюрьмѣ есть церковь и два класса для занятія. Устройство церкви слѣдующее. Алтарь помѣщается въ верху высокой комнаты, на особомъ возвышеніи; въ нижней половинѣ ея устроены будки для заключенныхъ, поднимающіяся амфитеатромъ. Арестанты входятъ въ церковь одинъ за другимъ, въ 10—20 шагахъ разстоянія, каждый въ свою будку, которыя устроены такъ, что никто изъ арестантовъ не можетъ видѣть своего сосѣда, да едва ли удобно можетъ перекинуться съ нимъ словомъ, ибо стояща, стоящія на возвышеніи, гдѣ помѣщается церковь, должны зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы арестанты не разговаривали. По этому же образцу устроены и классы для школьных занятій. Классныхъ комнатъ двѣ, но школа раздѣляется на 6 классовъ; въ основаніе дѣленія принята высота обученія. Каждый долженъ обучаться въ школѣ; освобождаются только лица, достигшія пожилаго возраста.

Мѣстами наказаній въ тюрьмѣ служатъ: темный карцеръ безъ всякой обстановки и особеннаго рода стулъ, помѣщающійся также въ темной комнатѣ. Стулъ прикрѣпленъ неподвижно къ полу; на него усаживаютъ буйнаго арестанта и привязываютъ его ремнями такъ, что онъ не можетъ свободно тронуться. Стулъ, по словамъ директора, самое тяжкое наказаніе; достаточно, чтобы бунтующій просидѣлъ на немъ 6 часовъ, чтобы у него отпала охота больше безобразничать, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Для прогулки арестантовъ устроены особые дворики, помѣщающіеся между отдѣльными каменными стѣнами, сходящимися радіусами въ центрѣ особенной специально для сего назначенной постройки; арестанты въ этихъ дворикахъ гуляютъ по одному, не видя другъ друга.

Пища арестантовъ доброкачественная; по словамъ директора, она превосходитъ ту пищу большей части заключенныхъ, которую

они имѣли на свободѣ. Она состоитъ изъ $\frac{1}{2}$ литра супа или ухи съ бѣлымъ хлѣбомъ; я пробовалъ этотъ супъ; онъ очень чисто приготовленъ и довольно вкусенъ, по крайней мѣрѣ, вкуснѣе того, который готовится въ домѣ предварительнаго заключенія въ Карлеруэ; въ послѣднемъ дается просто бурда съ примѣсью хлѣба, лишенная всякаго вкуса. Супъ даютъ утромъ, въ полдень и вечеромъ въ равной пропорціи. Кромѣ супа каждый день полагается Gemüse— $\frac{1}{2}$ литра—въ видѣ ли молочной каши или въ видѣ какой либо недорогой зелени. Во время моего посѣщенія была приготовлена молочная каша съ такимъ вкусомъ, съ какимъ далеко не всегда готовятъ въ нѣмецкихъ Wirt-häuser. Чистота и вкусъ пищи легко объясняется тѣмъ, что ее готовятъ сами арестанты, специально для сего назначенные. Кромѣ супа и Gemüse отпускается еще по 70 граммовъ варенаго мяса на каждого заключеннаго—черезъ два дня для тѣхъ, которые находятся въ тюрьмѣ не свыше года, и черезъ день—для остальныхъ. Мясо, которое я видѣлъ, опять таки отличалось такой чистотой приготовленія, которой позавидовалъ бы любой простолюдинъ. Заключеннымъ въ воскресные и праздничные дни выдается еще кофе съ молокомъ, но безъ сахара, а затѣмъ—молоко. Хлѣбъ выдается въ количествѣ 750 грамм. на каждого заключеннаго свыше 15 лѣтъ, для остальныхъ-же, имѣющихъ-меньше 15 лѣтъ, а также для женщинъ полагается по 500 грамм. ежедневно; для больныхъ пища, конечно, полагается еще лучше.

Таковъ внѣшній строй Брукзальскаго пенитенціарія. Повидимому, все устроено хорошо на столько, что существованіе человѣка становится довольно сноснымъ и есть основаніе ожидать, что онъ исправится въ этомъ учрежденіи и, выйдя изъ него, станетъ на путь честной жизни. На самомъ же дѣлѣ, дѣйствительность далеко не совпадаетъ съ ожиданіями, что въ значительной мѣрѣ обусловливается той системой заключенія, которая принята въ Брукзальскихъ пенитенціаріяхъ. Господствующій характеръ этой системы одиночное заключеніе съ соблюденіемъ молчанія; до-

пускается, правда, и совмѣстное содержаніе арестантовъ, но лишь въ видѣ исключенія, причѣмъ оно вовсе не пользуется сочувствіемъ директоровъ. Въ особенности это замѣчаніе справедливо, что касается директора главнаго пенитенціарія; онъ всѣми силами, какъ мы передавали, старается доказать превосходство системы одиночнаго заключенія, а потому не останавливается предъ всякаго рода увѣщаніями и нравственнымъ давленіемъ на арестанта, которому придется въ голову просить перевода въ общую тюрьму. Все это дѣлается, между прочимъ, съ тою цѣлью, чтобы потомъ въ рапортахъ заявить, что арестанты сами не хотятъ переходить въ общую тюрьму. На вопросъ мой, почему арестанты неохотно переходятъ въ общую тюрьму, директоръ главнаго пенитенціарія отвѣтилъ, что тамъ непріятное и даже тяжелое общество, ибо въ общую тюрьму просятся только буяны и вообще грубо испорченныя натуры. По словамъ же директора втораго пенитенціарія, въ общей тюрьмѣ содержатся обыкновенно старики и смиренныя люди, т. е. лучшіе, а не худшіе тюремные сидѣльцы; въ общую же тюрьму многіе хорошіе арестанты потому не идутъ, что тамъ строгій и точный режимъ: онъ долженъ ѣсть, когда всѣ ѣдятъ, работать также, даже читать. Впрочемъ, замѣтилъ директоръ, мы содержимъ арестантовъ въ общей тюрьмѣ скорѣе потому, что не имѣемъ достаточнаго числа отдѣльныхъ камеръ; если бы таковыя были въ неограниченномъ числѣ, то у насъ господствовала бы исключительно одиночная система заключенія. Какъ ни противорѣчивы отвѣты директоровъ, тѣмъ не менѣе не трудно заключить, что общая тюрьма скорѣе предпочитается заключенными, чѣмъ избѣгается, даже при условіяхъ совмѣстнаго заключенія не только днемъ, но и ночью, какъ это принято въ Брукзалѣ. Увѣренія директоровъ, будто въ общую тюрьму просятся только закоренѣлые преступники, опровергается объясненіями болѣе откровенныхъ и болѣе честныхъ изъ нихъ; несостоятельность этихъ увѣреній, видна и изъ того, что по уставу Брукзальскаго пенитенціарія правомъ перехода въ общую тюрьму пользуется

только тотъ заключенный, который пробылъ въ одиночномъ заключеніи 3 года; несомнѣнно, что послѣ 3-хъ лѣтъ одиночества человѣку неодолимо захочется перейти въ общую тюрьму, тѣмъ болѣе, что въ Брукзалѣ одиночно-заключенные посѣщаются лишь директоромъ и священникомъ и то очень рѣдко: первый долженъ навѣстить по разу въ 10 дней, второй по разу въ 2 недѣли. Посѣщеніе членовъ общества покровительства почти не практикуется, ибо и само общество, какъ замѣтилъ директоръ второй тюрьмы, существуетъ лишь на бумагѣ. Къ этому надо еще прибавить, что въ главномъ пенитенціаріѣ одиночное заключеніе неразрывно связано съ строгой обязанностью молчанія, нарушение которой карается, почему совершенно понятно, что заключенные, лишенные въ теченіе 3-хъ лѣтъ возможности слышать живое слово, должны почувствовать неодолимое желаніе подѣлиться имъ съ своими собратьями въ общей тюрьмѣ, которая притомъ-же въ Брукзалѣ устроена такъ, что далеко не представляется чудовищемъ, въ родѣ русской общей тюрьмы. Дѣло въ томъ, что въ Брукзалѣ въ общей тюрьмѣ полагается содержать въ отдѣльной комнатѣ человѣкъ 15—20, а то и менѣе; всѣ эти заключенные находятся подъ постояннымъ надзоромъ дѣяки, который, присутствуя среди нихъ, слѣдитъ за ихъ поведеніемъ и не позволяетъ имъ безобразничать; этотъ надзоръ не прекращается и ночью, такъ-что заключенный всегда можетъ предупредить оскорбленіе, насиліе своихъ товарищей. Мирный, тихій тюремный сидѣлецъ, такимъ образомъ, здѣсь вовсе не обреченъ на жертву издѣвательства и насилій со стороны своихъ буйныхъ товарищей, какъ это обыкновенно бываетъ въ плохо организованной общей тюрьмѣ, а между тѣмъ онъ находится въ обществѣ и можетъ подѣлиться мыслями и чувствами съ своими собратьями. Правда, для этого обильна мыслей въ Брукзалѣ остается не очень много времени, ибо совместно заключенные во время работы лишены права разговаривать подъ страхомъ наказанія; они пользуются симъ правомъ за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ въ теченіи какихъ либо 2-хъ

часовъ. Но и этого времени совершенно достаточно для того, чтобы тюремный сидѣлецъ отвелъ душу и не впадалъ въ ипохондрію, доводящую до помѣшательства. Я даже думаю, что указанное ограниченіе времени для разговора въ общей тюрьмѣ совершенно рационально, ибо оно въ значительной мѣрѣ можетъ предупредить пустые, бесполезныя и даже вредныя бесѣды.

Вообще, опытъ Брукзальскаго пенитенціарія далеко не подтверждаетъ цѣлесообразности одиночнаго заключенія, соединеннаго съ обязанностью молчанія. Лучшимъ доказательствомъ этой мысли служить значительный процентъ душевно-больныхъ, прямое слѣдствіе принятой въ Брукзалѣ системы. Правда, директоръ главнаго пенитенціарія скрываетъ послѣднее обстоятельство, увѣряя, что этотъ процентъ не великъ. Но его показанія не заслуживаютъ никакой вѣры, ибо они опровергаются сообщеніями какъ директора второй тюрьмы, такъ и его собственныхъ помощниковъ. Послѣдніе заявляли, что изъ 33 человекъ больныхъ въ данное время въ главной тюрьмѣ самая большая часть — страдающіе душевными болѣзнями. По словамъ директора второй тюрьмы, многихъ душевно-больныхъ переводятъ къ нему изъ главнаго пенитенціарія, строгій режимъ котораго даетъ большой процентъ такихъ; режимъ же его пенитенціарія мягче, а потому здѣсь процентъ душевно-больныхъ гораздо ниже, хотя все-таки высокъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что процентъ всего числа больныхъ также не особенно благоприятный; въ главномъ пенитенціаріѣ 33 больныхъ изъ 500 заключенныхъ, слѣдовательно $6\frac{3}{5}\%$.

Какъ было сказано, кромѣ главнаго пенитенціарія въ Брукзалѣ имѣется и другой, предназначенный для женщинъ и несовершеннолѣтнихъ по преимуществу. Этотъ пенитенціарій помѣщается въ старомъ замкѣ и отличается еще большей чистотой въ келіяхъ, чѣмъ главный. Съ внѣшней стороны его преимущество предъ послѣднимъ то, что окна устроены въ срединѣ наружной стѣны, что даетъ возможность заключенному видѣть окружающіе зданіе предметы и зелень. Это послѣднее обстоятельство, по признанію самого директора, бла-

гопріятно вліяєть на заключенныхъ и значительно ослабляетъ рас-положеніе въ ипохондріи. Устроенныхъ спеціально для гулянья двориковъ здѣсь нѣтъ; всѣ заключенные гуляютъ во дворѣ тюрьмы, шествуя одинъ за другимъ на разстояніи 8—10 шаговъ; гуляютъ они два раза въ день по $\frac{1}{2}$ часа. Вслѣдствіе недостаточнаго числа одиночныхъ камеръ общая тюрьма здѣсь многочисленнѣе, чѣмъ въ главномъ пенитенціаріѣ, но въ каждой отдѣльной камерѣ можетъ содержаться опять таки отъ 15 до 20 человекъ. Режимъ въ этой тюрьмѣ мягче, чѣмъ въ главномъ пенитенціаріѣ, хотя построенъ по той же системѣ. Въ церкви и въ школѣ заключенные сидятъ рядомъ, а не въ будкахъ. Система молчанія преслѣдуется съ меньшей строгостью, чѣмъ въ главномъ пенитенціаріѣ, хотя и здѣсь, какъ я замѣтилъ, она по необходимости смягчается; я самъ слышалъ, какъ выпешіе изъ кельи заключенные заговаривали съ дядьками. Тѣлесныя наказанія въ меньшемъ пенитенціаріѣ, по словамъ директора, совершенно изгнаны даже для несовершеннолѣтнихъ; насколько такъ на самомъ дѣлѣ—судить трудно. Въ главномъ пенитенціаріѣ мнѣ директоръ заявлялъ, что у него тѣлесныхъ наказаній не существуетъ, а между тѣмъ сопровождавшій насъ смотритель или дядька проговорился, что въ прошломъ году таки высѣкли одного буйнаго арестанта. Работаютъ арестанты въ меньшемъ пенитенціаріѣ, какъ и въ главномъ, отъ 11—13 часовъ въ сутки: встаютъ въ половинѣ 6-го, послѣ чего въ теченіи четверти часа завтракъ, затѣмъ—работа до половины 12-го, отъ половины 12-го до половины перваго обѣда, потомъ опять работа или учение въ школѣ до половины 8-го, въ половинѣ 8-го ужинъ, а въ 8 часовъ всѣ обязательно ложатся спать; въ воскресенье слушаютъ обѣдню, а потомъ читаютъ книги.

Ремесла для несовершеннолѣтнихъ здѣсь тѣ же, что и для женщинъ; но они содержатся большею частью вмѣстѣ; работаютъ несовершеннолѣтніе молча. Срокъ, на который они понадаютъ въ тюрьму, восходитъ отъ 6 недѣль до 8 лѣтъ; крат-

кій срокъ заключенія, по словамъ директора, большой недостатокъ законодательства; въ такое короткое время исправленіе заключеннаго не возможно. Работы для малолѣтнихъ исключительно ремесленныя, земледѣльческіе нѣтъ; тоже самое и для женщинъ. Въ этомъ пенитенціаріѣ меньше обращается вниманія на прибыль отъ работъ, чѣмъ въ главномъ; въ послѣднемъ, по словамъ директора, арестанты зарабатываютъ казнѣ около 300,000 марокъ; сама же казна отпускаетъ лишь 100,000 марокъ ежегодно. Директоръ отказался точно сказать содержаніе арестанта въ послѣдней тюрьмѣ, но если раздѣлить 400,000 м. на 500 заключенныхъ, то получится слишкомъ крупная сумма въ 800 марокъ на каждого, что едва ли вѣроятно. Содержаніе арестанта во второмъ пенитенціаріѣ обходится въ 26 марокъ въ мѣсяцъ на мужчинъ и несовершеннолѣтнихъ, слѣдовательно—312 марокъ въ годъ, и 24 марки на каждую женщину, слѣдовательно—288 марокъ въ годъ. Военная стража днемъ въ малой тюрьмѣ незначительна; во дворѣ, гдѣ гуляло человѣкъ около 40 взрослыхъ арестантовъ, было всего два дядьки, да одинъ чиновникъ въ формѣ. Въ главномъ пенитенціаріѣ напротивъ военная стража значительна; караульные ходятъ не только вокругъ стѣнъ, но и на самихъ стѣнахъ.

Таково въ общихъ чертахъ внутреннее и внѣшнее устройство знаменитыхъ Брукзальскихъ пенитенціаріевъ. Теперь спрашивается, дѣйствительно-ли и на сколько достигается въ послѣднихъ задача исправленія преступныхъ сочленовъ общества? Къ сожалѣнію, согласный отзывъ директоровъ отвѣчаетъ отрицательно на этотъ вопросъ. Директоръ главнаго пенитенціарія заявилъ, что большая часть освобождаемыхъ изъ послѣдняго заключенныхъ снова въ него попадаетъ, а директоръ малаго пенитенціарія опредѣляетъ число рецидивистовъ приблизительно въ 75%; такимъ образомъ, задача исправленія въ данныхъ пенитенціаріяхъ почти ускользаетъ отъ ихъ организаторовъ и управителей. Но чѣмъ же сіи послѣдніе объясняютъ такіе грустные результаты? Они гово-

рять, что рецидивистами большею частью являются воры, воры же обыкновенно носятъ въ себѣ ту специфическую испорченность, которая трудно поддается исправленію; въ ихъ крови, замѣчаютъ директора, есть нѣчто толкающее на путь похищенія чужой собственности, а потому и борьба съ ними рѣдко сопровождается полезными результатами. По мнѣнію директоровъ, слѣдовательно, задача исправленія есть не только трудная, но часто почти недостижимая.

3. *Собирание матеріаловъ для диссертации по вопросу „Преступленія противъ религіи на Западѣ“.* Поставивъ своей задачей изслѣдовать этотъ вопросъ съ историко-догматической точки зрѣнія, я, разумѣется, долженъ былъ начать съ изученія отношенія государства къ религіозной свободѣ въ разные періоды исторіи, такъ-какъ только такимъ путемъ я могъ, съ одной стороны, выяснитъ себѣ природу и объемъ противорелигіозныхъ посягательствъ въ эти періоды, а съ другой—отдѣлить постоянные, непреходящіе, такъ сказать, элементы этихъ посягательствъ отъ преходящихъ, историческихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ былъ обратиться и къ ознакомленію съ реформаторскими ученіями по вопросу о религіозной свободѣ, какъ такими, которые оказали весьма сильное вліяніе на положенія государственнаго и уголовного права по этому вопросу, на произведенныя въ этомъ отношеніи реформы, и кромѣ того существенно важны при разрѣшеніи вопроса о религіозныхъ преступленіяхъ и въ наше время. Въ библіотекѣ Гейдельбергскаго университета, однако, оказалось весьма мала матеріала по даннымъ вопросамъ, особенно по французской литературѣ, такъ-что мнѣ пришлось поневолѣ больше работать съ конца, чѣмъ съ начала, т. е. изучать сочиненія по догмѣ вопроса, а не по исторіи. Но и въ области догмы религіозныхъ преступленій мнѣ нелегко удавалось добыть нужныя сочиненія; многія изъ нихъ были разобраны по рукамъ и возвращались не скоро и съ большею неохотою, а нѣкоторыя такъ и не пришлось получить. Вообще, я долженъ сказать, что со-

бирание источниковъ въ Германіи мнѣ показалось куда затруднительнѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи; мнѣ думается даже, что я никогда бы не написалъ диссертациі, если бы принужденъ былъ это сдѣлать въ Германіи. О результатахъ своего кабинетнаго труда, т. е. о достигнутыхъ выводахъ, здѣсь не говорю потому, что это образуетъ содержаніе докторской диссертациі.

II.

Бельгія, Франція и Англія.

Въ началѣ весенняго семестра 1882 года изъ Гейдельберга я прибылъ въ Парижъ. Въ это время въ École de droit профессора регулярно уже читали свои лекціи; я отправился ихъ слушать. Внешній видъ этой высшей школы права на меня произвелъ вполне благопріятное впечатлѣніе: зданіе не особенно велико, но совершенно достаточно для помѣщенія одного факультета и потомъ выглядитъ довольно благообразно. Не могу того-же сказать о внутреннемъ видѣ этой школы. Аудиторіи, правда, довольно обширны, но крайне не чисты и притомъ представляютъ весьма неудобное помѣщеніе для слушателей; скамьи разставлены полукругомъ въ видѣ амфитеатра, но лишены какъ переднихъ полокъ, такъ и спиннокъ. Понятно, что подобное устройство скамеекъ, не говоря уже объ удобствахъ положенія тѣла, крайне затрудняетъ возможность записыванія лекцій; студенты принуждены дѣлать это на своихъ собственныхъ колѣняхъ, принимая нерѣдко самыя неудобныя позы и круто сгибая свою спину. По истинѣ говоря, я нигдѣ—ни въ Германіи, ни въ Россіи—не встрѣчалъ такихъ безобразныхъ скамеекъ въ университетскихъ аудиторіяхъ. Тѣмъ не менѣе студенты въ Парижѣ охотно посѣщаютъ лекціи и почти всѣ ихъ записываютъ; нерѣдко обширнѣйшая аудиторія бываетъ переполнена слушателями и тогда неуспѣвшіе захватить мѣста на скамейкахъ размѣщаются по окнамъ или же слушаютъ стоя.

Чрезвычайно любопытны внѣшняя форма французскихъ профессоровъ и ихъ отношенія къ слушателямъ. Первая состоитъ изъ длинной черной мантии съ перекинутымъ черезъ спину краснымъ поясомъ и изъ высокой круглой фуражки также красного цвѣта. Входитъ профессоръ въ аудиторію въ сопровожденіи особаго педеля, одѣтаго въ соотвѣтствующую форму; послѣдній присутствуетъ во время чтенія лекцій на особомъ возвышеніи, устроенномъ рядомъ съ профессорской кафедрой, и служитъ для исполненія порученій, которыя можетъ дать лекторъ. Послѣднія, т. е. отношенія профессора къ слушателямъ, носятъ характеръ близкій къ школьнымъ, гимназическимъ порядкамъ. Такъ, профессоръ во время чтенія лекціи, когда студенты поднимаютъ шумъ, вызываетъ къ порядку, кричитъ „тише“ и это повторяетъ по нѣскольку разъ. Подобное отношеніе профессора вполне отвѣчаетъ поведенію студентовъ, которые часто не только шумятъ, смѣются, но даже пищатъ по кошачьи или инымъ звѣриннымъ образомъ. Долженъ, однако, замѣтить, что такіе порядки замѣчаются на лекціяхъ не всѣхъ профессоровъ, а лишь нѣкоторыхъ, смотря потому, каковъ профессоръ.

Въ данный семестръ по предмету моей спеціальности, т. е. по уголовному праву, лекціи читали два профессора: Дежарденъ (Desjardins) и Левейлле (Leveillé); изъ нихъ я чаще посѣщалъ послѣдняго, чѣмъ перваго. Проф. Дежарденъ много уступаетъ своему коллегѣ въ лекторскихъ способностяхъ, а потому студенты менѣе охотно ходятъ въ аудиторію перваго, чѣмъ втораго, тѣмъ болѣе что и самое содержаніе его лекцій не привлекаетъ. При изложеніи уголовного права онъ почти исключительно держался комментаторскаго метода, отводя сравнительному — слишкомъ мало мѣста. Правда, и Левейлле былъ скуповать на экскурсіи въ иностранныя законодательства, но онъ все-таки прибѣгалъ къ послѣднимъ чаще и дѣлалъ это съ умѣньемъ знатока. Преобладаніе комментаторскаго метода изложенія здѣсь замѣчается не только у криминалистовъ, но и у другихъ профессоровъ и, вѣроятно, исхо-

дить изъ національной особенности французовъ не только цѣнить свое выше чужаго, но даже нерѣдко преклоняться предъ своимъ. Проф. Левейлле излагалъ курсъ уголовного процесса, посвящая ему по 3 часа въ недѣлю; свой курсъ онъ дѣлитъ на двѣ части или книги: 1) *De l'action publique et de l'action civile* и 2) *De la procédure criminelle*. Въ послѣдней части курса Левейлле весьма интересенъ его взглядъ по вопросу объ участіи адвокатуры въ предварительномъ слѣдствіи, по вопросу, составляющему въ данное время злобу дня на континентѣ Европы.

Нашъ законъ, говорилъ лекторъ, ввѣрилъ миссію раскрытія преступленія чиновнику, который называется слѣдственнымъ судьей—*le juge d'instruction*. Этотъ судья имѣетъ власть почти безграничную; нѣтъ чиновника, котораго власть была бы такъ обширна, какъ его. Лишь только человѣкъ кажется ему подозрительнымъ, судья можетъ приказать подвергнуть его предварительному аресту, можетъ его въ теченіи неопредѣленнаго времени держать въ заключеніи, словомъ, можетъ одновременно наложить руку на свободу, имущество и честь этого несчастнаго. Положимъ, такая строгость или такіа обширныя права слѣдственного судьи могутъ быть вполнѣ оправданы, если подсудимый виновенъ; но можно ли тоже сказать о случаѣ, когда привлекается къ слѣдствію лицо невинное? Достаточно ли гарантируетъ законъ этого послѣдняго отъ ошибокъ и увлеченій слѣдственного судью? На этотъ вопросъ нужно отвѣчать отрицательно, ибо законодатель всю предварительную процедуру построилъ на началѣ тайны ея производства, на принципѣ или, вѣрнѣе, презумціи, что подсудимый виновенъ; послѣднія слова ни мало не преувеличены, ибо весь предварительный процессъ носитъ чисто обвинительный характеръ (*une procédure purement offensive*). Скажутъ, пожалуй, что на самомъ дѣлѣ законъ не оставилъ подсудимаго безъ гарантій и что онѣ существуютъ въ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ: 1) что дѣло собранія доказательствъ преступленія ввѣрено не прокурору, который всегда противникъ подсудимаго, а чиновнику нейтрально-

му, слѣдственному судѣ и 2). что предварительное слѣдствіе есть только предварительная операція, общее познаніе дѣла, и что судѣ, который одинъ только рѣшаетъ вопросъ о виновности, у насъ достаточно хорошо организованъ. Но всѣ эти возраженія слишкомъ несостоятельны, чтобы не сказать болѣе. Странно, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что всѣ прокуроры пристрастны, а всѣ слѣдственные судьи безпристрастны, что всѣ сидящіе магистраты обладаютъ этой прекрасной чертой безпристрастія, тогда какъ стоящіе ея лишены. Самъ законъ не сдѣлалъ слѣдственного судьи нейтральнымъ, какъ то хотятъ доказать, ибо онъ долженъ раскрывать свои двери обвинителю и держать ихъ на запорѣ предъ обвиняемымъ; онъ долженъ сообщать во всякое время всѣ документы обвинителю, а обвиняемому можетъ не позволить прочесть ни одного. Въ сущности, на практикѣ—и прокуроръ, и слѣдственный судья представляютъ для обвиняемаго двухъ противниковъ, противъ которыхъ онъ совершенно безоруженъ.

Не выдерживаетъ также критики и второе возраженіе. Говорятъ, что слѣдуетъ заботиться о хорошей организаціи только судебного слѣдствія, ибо оно все, между тѣмъ какъ предварительное—почти ничего, лишь только прелюдія. Но это грубое заблужденіе, ибо ежедневный опытъ показываетъ, что предварительное слѣдствіе оказываетъ глубокое вліяніе на судебное слѣдствіе и самый приговоръ. Протоколы допроса, которые заключаютъ первыя показанія свидѣтелей, первые отвѣты подсудимаго, эти документы, которые служатъ предметомъ дебатовъ на судебномъ слѣдствіи и на которые постоянно ссылается прокуроръ въ подкрѣпленіе обвиненія, часто имѣютъ роковое вліяніе на судьбу подсудимаго. Признаніе, которое судья исторгнулъ у женщины Doise, сознавшей въ преступленіи подъ вліяніемъ мученій карцера и потомъ энергически отрицавшей послѣднее на судѣ,—роковымъ образомъ повліяло на обвинительный приговоръ жюри, произнесенный надъ этой невинной жертвой правосудія. Нѣтъ, въ интересахъ правосудія необходимо съ самаго начала процесса обста-

вить подсудимаго необходимыми гарантіями, создать противовѣсъ безграничной власти судей. Но въ чемъ же должны заключаться эти гарантіи? Они должны состоять, по мнѣнію Левейлле, въ контролѣ всѣхъ операцій, всѣхъ дѣйствій слѣдственнаго судьи; органомъ этого контроля долженъ быть адвокатъ и адвокатъ не случайный, а обязательно назначаемый подсудимому. Этому адвокату, однако, авторъ не предоставляетъ широкихъ правъ; по его мнѣнію, достаточно, если онъ будетъ лишь нѣмымъ свидѣтелемъ процесса предварительнаго слѣдствія. Слѣдственный судья долженъ оставаться полнымъ хозяиномъ послѣдняго; онъ не долженъ быть прерываемъ внимательствомъ адвоката, ибо мы еще не пришли ко времени дебатовъ, мы занимаемся пока констатировкой факта. Левейлле, такимъ образомъ, лишаетъ защитника права голоса, права состязанія съ судьей; все, что онъ ему предоставляетъ—это право и даже обязанность присутствовать во время процесса, затѣмъ право вести свои записки и передать въ письменной формѣ судья свои замѣчанія, свои требованія (requisitions), наконецъ, право требовать о занесеніи въ протоколъ своего заявленія объ отказѣ подписать послѣдній въ силу его неточности въ такомъ-то отношеніи. По мнѣнію лектора, нѣтъ никакой необходимости давать предварительному слѣдствію публичность на манеръ англійскій, ибо присутствіе некомпетентной толпы мало обезпечиваетъ правильный ходъ отправленія правосудія; съ другой стороны, не рационально допускать во время предварительнаго слѣдствія между судьей и защитникомъ дебаты, ибо незачѣмъ преждевременно послѣднее превращать въ генеральную речеттицію той баталліи, которая должда будетъ произойти потомъ, на судебномъ слѣдствіи.

Рядомъ съ посѣщеніемъ лекцій я занимался также осмотромъ тюремъ и собираніемъ матеріаловъ по названному выше вопросу о преступленіяхъ противъ религіи.

Изъ тюремъ я успѣлъ осмотрѣть нѣкоторыя лучшія въ Бельгіи, въ Парижѣ и въ Англіи. Начну съ Бельгіи. Здѣсь я посѣтилъ три пенитенціарія для взрослыхъ и одинъ для малолѣт-

нихъ. Первый пенитенціарій, который я смотрѣлъ, былъ Брюссельскій; собственно говоря, онъ не вполне заслуживаетъ этого имени, ибо находится въ переходномъ состояніи: перестраивается. Поэтому онъ служитъ, главнымъ образомъ, для предварительнаго заключенія, а также для содержанія тѣхъ, которые осуждены на срокъ не свыше года; сюда также препровождаютъ бродягъ и содержать ихъ до дальнѣйшаго опредѣленія ихъ судьбы. Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ значительную нечистоту этой тюрьмы. Но нельзя того же сказать о женскомъ ея отдѣленіи, которое по внѣшнему виду представляетъ всѣ условія хорошаго пенитенціарія. Построено оно по системѣ одиночнаго заключенія, почему его трехэтажное зданіе и разбито на отдѣльныя кельи; отличительный характеръ послѣднихъ безукоризненная чистота и сравнительная уютность помѣщеній. Первой онѣ обязаны бдительному надзору сестеръ милосердія, достойныхъ замѣчанія также и по своему отношенію къ заключеннымъ узницамъ, насколько объ этомъ можно судить по поверхностному осмотру учрежденія. Дѣло въ томъ, что женское отдѣленіе Брюссельскаго пенитенціарія далеко не производитъ того подавляющаго впечатлѣнія, какое выноситъ обыкновенно посѣтитель тюремъ съ одиночнымъ заключеніемъ; лица узницъ выглядѣли довольно привѣтливо и носили печать относительнаго здоровья; не видно было блѣдныхъ до истомы фізіономій, подернутыхъ желтизною. Это обстоятельство, насколько я узналъ, слѣдуетъ приписать именно гуманному обращенію сестеръ милосердія съ узницами; по словамъ первыхъ, онѣ находятся въ постоянномъ общеніи съ послѣдними, много разъ въ день посѣщая ихъ келіи для бесѣды и утѣшенія. Понятно, что при такомъ условіи одиночное заключеніе значительно смягчается; оно теряетъ свой жестоко-суровый характеръ при 10-лѣтнемъ срокѣ и, кромѣ того, является однимъ изъ могучихъ орудій исправленія, ибо заключенные, съ одной стороны, удалены отъ заразы нравственной испорченности своихъ собратьевъ, а съ другой—получаютъ постоянно моральный совѣтъ и утѣшеніе со стороны лицъ, преданныхъ

дѣлу. Къ сожалѣнію, сестры милосердія не дали утѣшительнаго отвѣта на вопросъ о достиженіи цѣлей исправленія; большая часть выпущенныхъ, по ихъ словамъ, снова возвращается въ тюрьму, что онѣ объяснили относительными удобствами заключенія въ ихъ учрежденіи.

Послѣ Брюссельской я посѣтилъ Лувенскую тюрьму. Эта послѣдняя считается образцовой въ Бельгіи; ее обыкновенно показываютъ всѣмъ иностранцамъ, пріѣзжающимъ съ цѣлью осмотра бельгійскихъ тюремъ. Посѣтителямъ обыкновенно предлагаютъ внести свое имя въ особую книгу, специально для ихъ замѣчаній назначенную; въ большомъ числѣ этихъ именъ встрѣчаются не только европейцы, но и жители Азіи, Африки и Америки; имена японцевъ, китайцевъ, жителей Мексики и Бразиліи весьма нерѣдки. Внешній блескъ Лувенской тюрьмы отвѣчаетъ богатству и знатности посѣтителей: здѣсь всякаго поражаетъ замѣчательная чистота и блескъ въ прямомъ значеніи этого слова, ибо все, что только можно было покрыть лакомъ, отполировать, все—отполировано; затѣмъ введены всѣ машинныя приспособленія, какъ то—для поднятія пищи на верхнія этажи, для вентиляціи и т. п.; отопляется тюрьма калориферомъ. Лувенскій пенитенціарій открытъ въ 1860 г.; онъ дѣлится на 4 квартала, расходящіеся лучами изъ центра звѣздообразно, и кромѣ того, подраздѣляется на 24 секціи. Число келій простирается до 596; во время моего посѣщенія не всѣ свободныя мѣста были заняты, всего—503. Пенитенціарій предназначенъ исключительно для келейнаго заключенія, а потому всѣ лица, пробывшія 10-ти лѣтній срокъ и не желающія болѣе оставаться въ келіяхъ, переводятся въ Гентъ, гдѣ есть камеры для совмѣстнаго заключенія. Келейное заключеніе связано съ обязанностью молчанія, а потому заключенные не могутъ разговаривать другъ съ другомъ при случайныхъ встрѣчахъ или въ церкви, а также не могутъ пить въ келіяхъ. Нарушеніе этого правила влечетъ за собою разныя взысканія, какъ-то — убавку пищи, посаженіе на хлѣбъ и воду, а

также заключеніе въ карцеръ; высшій срокъ этого заключенія, положеннаго за тяжкія нарушенія дисциплины, мѣсяцъ. Въ числѣ наказаній практикуется также наложеніе металлическихъ наручниковъ, связывающихъ руки, а также смирительная куртка — *camisole de force*. Пища арестантовъ состоитъ изъ хлѣба (6 грам. въ день), $1\frac{1}{2}$ литра супу и мяса, которое они получаютъ три раза въ недѣлю (20 кило на 100 человѣкъ); кромѣ того, имъ дается утромъ кофе съ молокомъ, четыре раза въ недѣлю картофель и два раза рисъ. Въ больницѣ пища, какъ и всегда, лучше и обильнѣе; въ 10 часовъ утра даютъ супъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, въ 4 часа дня мясо съ картофелемъ и литръ пива, въ 6 час. литръ молока съ двумя яйцами. Мнѣ удалось испробовать пищу, назначенную для здоровыхъ, и я долженъ сказать, что она уступаетъ пищѣ въ Брукзальской тюрьмѣ.

При тюрьмѣ существуетъ школа, которая обязательна для всѣхъ, за исключеніемъ дряхлыхъ и людей образованныхъ. Классы раздѣляются по національностямъ — для фламандцевъ и французовъ; первые посѣщаютъ школу въ понедѣльникъ, среду и пятницу; послѣдніе въ остальные дни. Каждая изъ этихъ національностей раздѣляется на 3 группы по числу классовъ школы: отъ 2 до 3 часовъ обучаются тѣ, которые не могутъ ни читать, ни писать, отъ 3 до 4-хъ — тѣ, которые умѣютъ писать и читать; отъ 4 до 5-ти — тѣ, которые уже нѣсколько и даже достаточно обучены. Предметы обученія, кромѣ чтенія и письма — диктовка, географія, арифметика, алгебра, грамматика; такимъ образомъ, школа въ Лувенской, какъ и вообще въ бельгійскихъ тюрьмахъ, положена въ основаніе тюремной системы, чѣмъ Бельгія рѣзко разнится, какъ увидимъ ниже, отъ своей сосѣдки Франціи. Заключенные пользуются правомъ прогулки въ теченіи часа до обѣда каждый день; гуляютъ они въ особыхъ дворикахъ, отдѣленныхъ стѣною, при чемъ могутъ курить. Правомъ свиданія они пользуются въ такомъ объемѣ: осужденные къ *travaux forcés* одинъ разъ въ 6 недѣль, осужденные къ *reclusion* разъ въ мѣсяцъ; свида-

віе продолжается полчаса; при чемъ оно допускается даже съ родными чрезъ желѣзныя рѣшетки. Право переписки существуетъ въ такихъ границахъ времени: осужденные къ *reclusion* — разъ въ мѣсяць, осужденные къ *travaux forcés* — разъ въ 2 мѣсяца. Каждый заключенный имѣетъ право приносить устную или письменную жалобу; послѣднюю онъ вбрасываетъ въ особенный для того назначенный ящикъ, изъ котораго всѣ письма выбираются директоромъ и обязательно читаются. Вообще, какъ видно, въ Лувенской тюрьмѣ права заключенныхъ далеко не забыты; здѣсь, между прочимъ, существуетъ правило, котораго я нигдѣ, кромѣ Бельгіи, не встрѣчалъ въ тюрьмахъ, а именно — что лицо, которое отвергаетъ религію или принадлежитъ къ атеистамъ, не принуждается къ посѣщенію церкви, если того не желаетъ; оно пользуется правомъ исповѣдывать свою совѣсть, какъ ему угодно. Кромѣ того, каждый заключенный въ Бельгійскихъ тюрьмахъ знаетъ, что никто изъ служебнаго персонала подъ угрозой наказанія не имѣетъ права его ударить и, по словамъ одного изъ надзирателей, это сознаніе настолько глубоко проникло въ души заключенныхъ, что они считаютъ себя въ правѣ отвѣтить ударомъ на ударъ.

Работа въ Лувенской тюрьмѣ считается однимъ изъ необходимыхъ условій пенитенціарной системы; работаютъ утромъ отъ 5—12 ч., за исключеніемъ 1-го часа для прогулки; затѣмъ отъ 12—1 обѣдъ, послѣ чего снова работа — зимою до 8, лѣтомъ до 9 часовъ; слѣд., продолжительность дневной работы достигаетъ почтенной цифры — 12, 13 часовъ. Въ тюрьмѣ организованы главнымъ образомъ ремесленныя работы, имѣющія въ виду обезпеченіе заключеннаго послѣ его освобожденія: столярное, кузнечное, сапожное, портняжное, туфельное и переплетное мастерства, ткачество, переписка и плетеніе цѣпныхъ. За работу заключеннымъ причитается извѣстное вознагражденіе: осужденные къ *reclusion* получаютъ $\frac{4}{10}$ съ общей платы за выдѣланный предметъ, каторжники — $\frac{3}{10}$. Организація работъ вовсе не направлена

къ возможно большому полученію дохода; по словамъ директора, Лувенская тюрьма не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей содержа- нія себя насчетъ труда заключенныхъ; эти цѣли здѣсь играютъ второстепенную роль; первая же задача — исправленіе преступныхъ субъектовъ, что въ дѣйствительности, по его словамъ, и дости- гается, ибо число рецидивистовъ весьма ограничено.

Суровость 10-лѣтняго одиночнаго заключенія въ Лувенской, какъ и вообще въ бельгійскихъ тюрьмахъ, стараются смягчить учащенными визитами узниковъ со стороны директора, священни- ка, учителя и надзирателей. По регламенту директоръ долженъ въ день сдѣлать 25 визитовъ и такъ какъ въ Лувенской тюр- мѣ ихъ два, то число визитовъ простирается до 50; священникъ (ихъ три въ Лувенѣ) обязанъ посѣщать заключенныхъ по 2 ча- са каждый день, а учитель по часу; надзирателямъ также вмѣ- няется въ обязанность возможно чаще навѣщать заключенныхъ; ихъ полагается 1 на 30 узниковъ. Казалось бы съ перваго взгля- да, что въ Лувенской тюрмѣ посѣщеніе заключенныхъ довольно часто для того, чтобы одиночное заключеніе не было предметомъ антипатіи со стороны послѣднихъ; на самомъ же дѣлѣ, вещи представляются въ иномъ видѣ; на мои вопросы, случайно обра- щенные къ двумъ узникамъ, предпочитаютъ ли они келейное или общее заключеніе, они оба безъ колебанія отвѣчали въ пользу послѣдняго; возраста они были различнаго — одинъ за 30 или 35, другой за 20 лѣтъ. Визитація заключенныхъ въ Бельгійскихъ тюрьмахъ со стороны членовъ патроната не практикуется, ибо этотъ послѣдній тамъ вовсе не организованъ, дѣлаютъ лишь по- пытки къ тому. Въ санитарномъ отношеніи Лувенская тюрьма, повидимому, стоитъ хорошо; во время моего посѣщенія тамъ бы- ло 12 больныхъ (изъ нихъ 8 въ келіяхъ и 4 въ больницѣ), что составитъ на 503 заключенныхъ $2\frac{3}{5}\%$. Число душевно больныхъ, по словамъ директора, также незначительно; полное сума- шествіе случается весьма рѣдко; такъ, по отчетамъ съ 1878 по 1880 гг. былъ всего одинъ сумасшедшій. Стоимость содержа- нія арестанта обходится въ 1 фр. 19 сент. въ день.

Кромѣ Лувенской тюрьмы я посѣтилъ въ Бельгіи еще двѣ — въ Намюрѣ: одну для взрослыхъ, другую для малолѣтнихъ. О первой не приходится много говорить. Она устроена по той же системѣ, какъ и Лувенская, съ тою разницею, что въ ней содержатся лишь приговоренные къ тюремному заключенію не свыше 5 лѣтъ, а также сюда отсылаются бродяги и нищіе, гдѣ они остаются не болѣе мѣсяца до дальнѣйшаго опредѣленія ихъ судьбы; основана эта тюрьма въ 1876 году и построена въ видѣ полузвѣзды съ отдѣленіемъ для мужчинъ и женщинъ. Болѣе интереса представляетъ тюрьма для малолѣтнихъ. Устроена она въ зданіи, находящемся въ центрѣ города и служившемъ, кажется, мѣстопробываніемъ монастыря; поэтому съ внѣшняго вида она не представляетъ ничего похожаго на тюрьму. Въ ней содержатся какъ мальчики, такъ и дѣвочки; первыхъ было 239, вторыхъ — 150; за первыми наблюдаютъ надзиратели, за вторыми — сестры милосердія. Пища заключенныхъ состоитъ изъ 1 литра супа, пол-литра кофе съ молокомъ и мяса, которое отпускается 4 раза въ недѣлю (25 кило на 100 д.). Въ числѣ средствъ тюремнаго исправленія необходимыми признаются: 1) работы и 2) школа. Первые всѣ носятъ ремесленный характеръ *), такъ-какъ здѣсь содержатся по преимуществу дѣти изъ городовъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ работаютъ въ саду и огородѣ, принадлежащихъ тюрьмѣ. Система работъ — подрядная; подрядчикъ обязанъ доставлять работу, которую выполняютъ мальчики; за что онъ вноситъ извѣстный % дохода въ пользу тюрьмы. Вторая, т. е. школа, раздѣляется на 2 отдѣленія, изъ коихъ въ каждомъ по 2 класса: 2 класса для фламандцевъ и 2 класса для французовъ; учатся каждый день послѣ обѣда отъ 5-ти до 7-ми часовъ. Предметы обученія: письмо, чтеніе, черченіе, географія, первыя свѣдѣнія изъ физики и вообще изъ естественныхъ наукъ. Въ тюрьмѣ также преподаются ибнѣ и музыка; послѣдняя, впрочемъ, предлагается

*) Въ числѣ ремеслъ преподается, между прочимъ, литографское и типографское искусство въ ограниченныхъ размѣрахъ.

лишь дѣтямъ хорошаго поведенія, какъ средство поощренія и награды; для преподаванія музыки имѣется особенный учитель, а также небольшая коллекція музыкальныхъ инструментовъ. На обученіе музыки смотрятъ не только какъ на средство духовнаго усовершенствованія исправляемыхъ, но и какъ на средство матеріальнаго обезпеченія заключеннаго по выходѣ изъ тюрьмы. Религіозное воспитаніе восполняетъ умственное или, вѣрнѣе, служитъ ему преддверіемъ; посѣщеніе церкви обязательно и священникъ служитъ каждый день. Средствами наказанія служатъ: выговоры, лишеніе права общей прогулки по городу, маршировка въ теченіи получаса и даже часа, помѣщеніе имени и фамиліи на *tableau d'épreuve* и *tableau de punition*, карцеръ не выше 15 дней и одиночное заключеніе не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Тѣлесное наказаніе, по словамъ директора, изгнано изъ тюрьмы; чаще всего онъ прибѣгаетъ къ маршировкѣ, которая скорѣе всего усмиряетъ строптивыхъ. Въ числѣ средствъ поощренія и награды практикуются: похвала въ присутствіи всѣхъ заключенныхъ со стороны директора, нашивки, порученіе довѣренной должности, помѣщеніе на *tableau d'honneur*, на *tableau de récompense*, наконецъ, что самое главное, временные отпуска домой и досрочные. Какъ тѣ, такъ и другіе, по словамъ директора, чрезвычайно благодѣтельны въ интересахъ исправленія и такъ какъ они даются съ большою осторожностью и выборомъ, то случаи несвоевременнаго возвращенія отпущеннаго питомца или же совершенія проступка получившими досрочный отпускъ весьма рѣдки; изъ этихъ послѣднихъ общимъ числомъ одинъ въ теченіи двухъ лѣтъ возвращается въ тюрьму. Вообще, по мнѣнію директора, исправленіе малолѣтнихъ далеко не утопія; изъ своей практики онъ вынесъ убѣжденіе, что почти каждый малолѣтній, за немногими исключеніями, доступенъ исправленію; все дѣло зависитъ отъ режима. Быть можетъ, онъ распространилъ бы свое убѣжденіе на всѣхъ малолѣтнихъ, если бы обладалъ достаточнымъ персоналомъ служащихъ, способныхъ хорошо изучить каждого заключеннаго и

дѣйствовать на него согласно его индивидуальнымъ способностямъ. Но для того, чтобы исправленіе было достижимо, необходимо извѣстный болѣе или менѣе продолжительный терминъ, въ теченіи котораго заключенный подлежалъ бы исправительному воздействию; такой терминъ онъ опредѣляетъ въ 3 года. Къ сожалѣнію, замѣтилъ директоръ, Бельгійское правительство еще не признало раціональности этого условія. Общая сумма стоимости этой исправительной тюрьмы простирается до 217,671 фр.; чистый расходъ за вычетомъ прихода, получаемого отъ работъ малолѣтнихъ, 166,992 фр.; содержаніе служащихъ стоитъ 44,109 фр.; каждый заключенный обходится въ 1 фран. 14 сантим. въ день *).

Послѣ Бельгійскихъ тюремъ я посѣтилъ еще двѣ въ Парижѣ: Ла-Рокетъ и Мазасъ. О первой не буду много распространяться: она не представляетъ ничего оригинальнаго и достойнаго подражанія. Содержатся въ ней осужденные къ тюремному заключенію не свыше 5 лѣтъ, потомъ подслѣдственные, а также сюда присылаютъ иногда бродягъ; отличительная ея черта — грязь и крайняя тѣснота помѣщеній. Въ камерахъ, гдѣ заключенные работаютъ вмѣстѣ, они набиты какъ сельди въ боченкѣ, вследствие чего воздухъ удушливый до рвоты. Съ болѣе положительнымъ характеромъ представляется Мазасъ; она построена въ видѣ звѣзды съ 6 расходящимися изъ центра галлереями и заключаетъ въ себѣ 1260 №№; во время моего посѣщенія было всего 1171 заключенныхъ, изъ коихъ въ кельяхъ, т. е. въ одиночномъ содержаніи — 1,156 человекъ. Назначенъ Мазасъ для предварительно-заключенныхъ и неважныхъ; длиннѣйшій срокъ заключенія — 5 лѣтъ, осужденные на болѣе продолжительные сроки отсылаются въ центральныя тюрьмы департаментовъ Франціи. Пища состоитъ изъ хлѣба — 750 грам. на человека, супа, мяса 2 раза въ недѣлю по 125 грам. на каждого и légumes; на вкусъ какъ супъ,

*) Считаю нужнымъ оговориться, что всѣ цифры, приведенныя въ моемъ отчетѣ, показаны по сообщеніямъ директорамъ; отчетовъ ихъ подъ руками я не имѣлъ.

такъ и мясо весьма удовлетворительны. Для возки припасовъ какъ въ нижнихъ, такъ и въ верхнихъ этажахъ, въ послѣднихъ собственно для подвоза пищи заключеннымъ,—устроена желѣзная дорога, т. е. положены рейсы. Въ тюрьмѣ введены еще и другія машинныя приспособленія, а именно—для отопленія калориферъ*), для вентиляціи особенная машина сложнаго устройства, собирающая весь испорченный воздухъ въ одинъ бассейнъ, гдѣ онъ фильтруется или, вѣрнѣе, выгоняется наружу чрезъ сквозную трубу, идущую отъ основанія зданія до его вершины. Освѣщается зданіе газомъ, который зимою горитъ до 7 часовъ, а лѣтомъ совсѣмъ не зажигается.

Встаютъ заключенные въ 6 часовъ, ложатся въ 6 и позже, смотря по времени года; въ этихъ промежуткахъ времени они и работаютъ, при чемъ отсюда надо вычесть часъ, полагаемый на прогулку и полтора часа на принятіе пищи. Работы для осужденныхъ обязательны, для подсѣдственныхъ нѣтъ; работаютъ отдѣльно въ келіяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые занимаются въ *rapeterie*; они работаютъ совмѣстно. Система работъ подрядная; подрядчикъ обязанъ вносить въ тюремную кассу извѣстную процентную сумму. Работы состоятъ изъ разныхъ ремесленныхъ производствъ. Свиданіе съ родными дозволяется для подсѣдственныхъ два раза въ недѣлю, для осужденныхъ—разъ; видятся въ особомъ помѣщеніи—*parloir de faveur*, раздѣленномъ металлической рѣшеткой; при прощаніи допускается непосредственное свиданіе съ объятіями. Средствами наказанія служатъ: запрещеніе гулять, видѣться съ родными, карцеръ—совершенно безъ свѣта—не свыше 3 дней, металлическіе наручники; средствами поощренія—болѣе слабый режимъ, нашивки, порученіе довѣренной должности въ кухнѣ, пекарнѣ, аптекѣ и т. п., наконецъ, даже помѣсячное жалованье лицамъ, знающимъ спеціальность, напр., аптекарямъ. Школа въ Мазасѣ, какъ и въ Ла-Рокетѣ, почти не

*) Въ Ла-Рокетѣ, кстати замѣтить, топка совершенно исключена, такъ что заключенные обречены на холодъ и морозъ.

организована; обучаютъ въ келіяхъ, ибо спеціальныхъ помѣщеній для классовъ нѣтъ, нѣтъ даже спеціальнаго учителя; его обязанность исполняетъ одинъ изъ надзирателей. Роль класной комнаты часто играетъ *parloire de faveur*; здѣсь заключенные, не видя другъ друга, сидятъ и слушаютъ учителя; помѣщеніе это до нельзя неудобное, такъ-что я никакъ не могъ понять, какъ умудряются тамъ писать. При тюрьмѣ существуетъ библіотечка, изъ которой выдаются книги для чтенія; дозволяется имѣть и книги извнѣ, но съ разрѣшенія директора. Обязательныхъ посѣщеній со стороны директора и надзирателей, какъ мнѣ передавали, не существуетъ; все зависитъ отъ ихъ доброй воли, такъ-какъ закопъ не опредѣляетъ числа посѣщеній въ извѣстные промежутки времени. Не смотря на это, число сумасшедшихъ, если вѣрить директору, не особенно велико; впрочемъ, цифра значительно разнится, что касается предварительно-заключенныхъ; душевныя болѣзни среди послѣднихъ довольно часты и нерѣдко относятся къ таковымъ осужденныхъ, какъ 5 : 1. Вѣроятно, съ цѣлью уменьшенія процента душевныхъ болѣзней среди подслѣдственныхъ ихъ нерѣдко помѣщаютъ по 2 и по 3; впрочемъ, также иногда поступаютъ и съ осужденными; среди заключенныхъ значительно также развитъ ананизмъ, съ которымъ тщетно и, кажется, слабо борется тюремное начальство. Любопытна одна особенность, замѣченная мною лишь въ французскихъ тюрьмахъ, а именно въ Ла-Рокеѣ; тамъ имѣется особенное отдѣленіе для совмѣстнаго заключенія лицъ, склонныхъ къ доносу; по словамъ надзирателя, этихъ лицъ они изолируютъ поневолѣ, ибо существуетъ большая опасность показываться имъ среди другихъ товарищей; послѣдніе набрасываются на нихъ съ ожесточеніемъ и были случаи, что прибивали. Содержаніе cadaго заключеннаго въ Мазасѣ обходится какъ и въ Бельгіи, въ 1 фр. 10 или 20 сантимовъ; содержаніе же cadaго преступника во всей Франціи стоитъ 84 сантима.

Послѣднія тюрьмы, которыя я видѣлъ, были англійскія. Изъ нихъ я осмотрѣлъ двѣ—Пентонвиль въ Лондонѣ и Woking въ

его на разстояніи 20 англійскихъ милъ. Какъ та, такъ и другая считаются образцовыми. Понтонвилъ состоитъ изъ 4-хъ корридоровъ, расходящихся изъ центра въ видѣ полувѣзды и заключаетъ въ себѣ 1,121 комнату, изъ коихъ однѣ служатъ для одиночнаго заключенія, другія—для совмѣстныхъ работъ; въ одиночномъ заключеніи содержатся не болѣе 9 мѣсяцевъ, а затѣмъ переходятъ въ общую тюрьму, гдѣ работаютъ вмѣстѣ; спать же оиютъ таки въ одиночныхъ келіяхъ. Въ Понтонвилѣ содержатся лишь тѣ, которые осуждены къ 5-лѣтнему заключенію или которые отбываютъ келейное; остальные отсылаются въ тюрьмы, находящіяся въ графствахъ. Пища состоитъ изъ супа или чего то въ родѣ густой кашицы, которая отпускается въ размѣрѣ одного пайнта (pint), изъ 4 унцій мяса 5 разъ въ недѣлю, 20 унцій хлѣба и $\frac{3}{4}$ пайнта шоколада. О пищѣ нельзя сказать, чтобы она была удовлетворительна; каша, которую я пробовалъ, было нѣчто поразительно безвкусное, какая то бурда; хлѣбъ -- тяжелый, трудно перевариваемый, несомнѣнно съ какими то недоброкачественными примѣсями; подобнаго хлѣба, т. е. такого дурнаго качества, я нигдѣ не встрѣчалъ въ тюрьмахъ континента Европы; о мясѣ ничего не могу сказать, ибо въ тотъ часъ, когда я былъ въ тюрьмѣ, его не было въ кухнѣ; что же касается шоколада, то это нѣчто крайне скверное; какъ въ жидкомъ, такъ и въ твердомъ видѣ онъ ни мало не похожъ на то, что мы разумѣемъ подъ этимъ именемъ; вкуса или никакого или отвратительнаго. Вообще, я долженъ сказать, что пища арестантовъ въ англійскихъ тюрьмахъ, не исключая и Woking, ниже всякой посредственности. Прогулка арестантовъ въ Понтонвилѣ занимаетъ 1 часъ въ день, совершается она въ одинъ пріемъ передъ lunch; гуляютъ во дворѣ, покрытомъ зеленью и не раздѣленномъ на части каменными стѣнами, какъ это существуетъ въ Германіи и Бельгіи; вообще, что касается гігіены воздуха, то какъ въ Понтонвилѣ, такъ и въ Woking, на нее обращено должное вниманіе. Понтонвилъ окруженъ довольно широкими дворами, окруженными зе

ленью и содержимыми въ замѣчательной чистотѣ; поэтому внѣшняя вентиляція превосходная. Внутренній воздухъ этой тюрьмы также вполне удовлетворительный; даже въ общихъ мастерскихъ посѣтитель это тотчасъ же замѣчаетъ. Нужно сказать, что въ этихъ послѣднихъ арестанты не содержатся въ неумѣренномъ числѣ, напротивъ, каждый изъ нихъ сидитъ на довольно почтительномъ разстояніи отъ товарища.

Въ числѣ средствъ нравственнаго исправленія необходимыми признаются: а) работа, б) церковь и с) школа. а) Работаютъ одиночные въ келіяхъ; совместно содержимые — въ общихъ мастерскихъ. Работа должна происходить при условіяхъ соблюденія полного молчанія какъ въ келіяхъ, такъ и въ общихъ мастерскихъ; въ послѣднихъ заключенные не имѣютъ права разговаривать даже по поводу работы; если имъ что нужно спросить, они должны обращаться къ надзирателю; иначе — подвергаются наказанію. Отсюда естественное послѣдствіе — условный языкъ, существованіе котораго сопровождавшій меня чиновникъ не отрицалъ. Нерѣдко въ келіяхъ, гдѣ работаютъ, и спятъ, а потому послѣднія, и безъ того весьма малыя, меньшія чѣмъ въ тюрьмахъ нѣмецкихъ и бельгійскихъ, часто совершенно загромождаются разными станками, такъ-что почти не остается пространства для свободного движенія изъ угла въ уголъ. Работы организуются самимъ тюремнымъ начальствомъ, при чемъ исполняются большею частью правительственные заказы; частные — слишкомъ рѣдко. Работы, главнымъ образомъ, ремесленнаго характера, преимущественно — приготовленіе платья и сапогъ; во время моего посѣщенія арестанты были заняты приготовленіемъ мундирной формы и обуви для полиціи; существуетъ также обученіе слесарному и переплетному мастерству, а также производство цѣнковыхъ изъ кокосовыхъ нитей и плетеніе корабельныхъ канатовъ. При всѣхъ производствахъ употребляютъ машинные станки, гдѣ они уместны. Работаютъ отъ 12 до 13 часовъ въ день; встаютъ въ 5 часовъ, ложатся въ 8. б) Посѣщеніе церкви обязательно для всѣхъ безъ

исключенія; евангелики посѣщаютъ церковь своего вѣроисповѣданія; католики—также. Въ церкви нѣтъ никакихъ искусственныхъ перегородокъ, въ родѣ будокъ и т. п.; слушаютъ молитву каждое утро, а въ воскресенье—два раза; для религіознаго обученія существуютъ 2 священника, которые обязаны посѣщать кельи и тамъ преподавать священное писаніе. с) Спеціальной школы, т. е. классной комнаты, не существуетъ; учителя—коихъ 8—ходятъ по келіямъ и тамъ занимаются; предметы обученія, кромѣ чтенія и письма, ариметика, географія, грамматика; кромѣ того, въ каждой кельѣ встрѣчается обязательно книга для чтенія, выданная изъ тюремной библіотеки; мнѣ попались книги, посвященныя знакомству съ Индіей; обученіе обязательно, за исключеніемъ стариковъ и образованныхъ.

Средствами наказанія служатъ: посаженіе на хлѣбъ и на воду не выше 3-хъ дней и въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія высшей административной инстанціи (Home office), назначаются кошки лицамъ, виновнымъ въ тяжкихъ нарушеніяхъ тюремной дисциплины. Девятихвостовая кошка—это нѣчто въ родѣ кнута съ 9-ю туго сплетенными веревочками натурального цвѣта; приступая къ операціи, предварительно привязываютъ руки арестанта къ верхней части особенной металлической кобылы и затѣмъ бьютъ по спинѣ. Карцеръ изъ числа наказаній совершенно исключенъ; металлическіе наручники существуютъ. Въ тюрьмѣ принято раздѣленіе на 3 класса заключенныхъ, смотря по мѣрѣ исправленія; переходъ изъ низшаго класса въ высшій допускается по достиженіи извѣстнаго числа марокъ, причемъ низшіе классы отъ высшихъ отличаются большею строгостью режима; такъ, лица, находящіеся въ высшемъ классѣ, между прочимъ, пользуются правомъ чаще писать къ роднымъ и видѣться съ ними; при хорошемъ поведеніи срокъ содержанія сокращается почти на $\frac{1}{3}$; вмѣсто 5 лѣтъ—3 года 11 мѣсяцевъ и 20 дней.

Для ухода за больными существуютъ 2 врача, которые разъ въ мѣсяцъ обязательно должны обойти всѣхъ заключенныхъ; про-

центъ больныхъ, по словамъ чиновника, колеблется между $1\frac{1}{2}$ и $3\frac{3}{10}\%$. Сумасшествія рѣдки; чаще всего душевно больные попадаютъ между предварительно-заключенными и тѣми, которые только-что начали отбывать свое наказаніе. Это послѣднее обстоятельство чиновникъ приписываетъ крайнему физическому истощенію поступающихъ въ тюрьмы; такимъ образомъ, причину душевной болѣзни онъ относитъ не къ вліянію тюрьмы, а къ физическому складу лицъ, въ нее попадающихъ; они къ этому уже были предрасположены въ самый моментъ своего вступленія въ тюрьму.

Вторая тюрьма-Woking расположена вдали отъ городовъ, среди пашень и полей, и раздѣляется на мужскую и женскую. Обѣ эти тюрьмы расположены другъ противъ друга, не будучи соединены стѣной. Режимъ въ этихъ тюрьмахъ такой же въ общихъ чертахъ, какъ и въ Пентонвилѣ, а потому я и не буду долго на немъ останавливаться, предоставляя себѣ указать лишь особенности. Зданіе, въ которомъ находится мужская тюрьма, въ началѣ было предназначено играть роль больницы, а потому оно представляетъ нѣкоторыя преимущества, чуждыя вообще тюрьмамъ; такъ, окна здѣсь устроены не подъ потолкомъ, а въ срединѣ стѣны; вентиляція представляетъ сложную систему трубъ и рѣшетокъ замѣчательнаго устройства, дающаго возможность сообщать зданію наружный совершенно чистый воздухъ; вода подымается на крыши и спускается съ нихъ посредствомъ трубъ, причемъ, проходя черезъ нихъ, дистиллируется. Свѣта какъ въ кельяхъ, такъ и въ общихъ тюрьмахъ столько, сколько вообще необходимо для *хорошаго* освѣщенія. Прежняя роль этой тюрьмы, точно также какъ и тюрьмы женской—служить больницей, сохранилась въ извѣстной мѣрѣ до сихъ поръ, ибо въ каждой изъ этихъ тюремъ есть отлично устроенное отдѣленіе лунатиковъ. Зданіе мужской тюрьмы, согласно своему первоначальному назначенію, имѣетъ форму креста съ флигелями на концахъ и окружено 4 широкими дворами, покрытыми зеленью; на одномъ изъ нихъ возвышается клумба.

цвѣтовъ. Мужское отдѣленіе отопляется нагрѣтымъ воздухомъ, женское—металлическими печками.

Пища здѣсь отпускается въ иномъ размѣрѣ, чѣмъ въ Пентонвилѣ: хлѣба 23 унціи, въ воскресенье—30, мяса даютъ 3 раза въ недѣлю по 4 унціи, 3 раза сыръ по 4 унціи. Завракъ состоитъ изъ чая въ размѣрѣ 1-го пайнта съ хлѣбомъ; обѣдъ—изъ супа, мяса съ картофелемъ или другой зеленью и какао; ужинъ—изъ какао въ размѣрѣ $\frac{3}{4}$ пайнта съ хлѣбомъ. Работы организуются правительствомъ; какъ мужская, такъ и женская тюрьма производятъ не только по заказу правительства, но и по заказу частныхъ лицъ. Замѣчательно, что въ мужской тюрьмѣ арестанты работаютъ не только въ зданіи, но и на полѣ; тюрьма владѣетъ 6 акрами земли, которые и обрабатываются заключенными; разводятся тамъ по преимуществу огородныя овощи на удовлетвореніе нуждъ тюрьмы; работы въ полѣ, по словамъ тюремнаго надзирателя, чрезвычайно благотѣльно дѣйствуютъ на заключенныхъ и они идутъ на нихъ съ радостью. При той же тюрьмѣ занимаются разведеніемъ свиней и куръ какъ для своихъ нуждъ, такъ и для продажи; остальные работы—ремесленныя. Въ женской тюрьмѣ, кромѣ обычныхъ женскихъ работъ—шитья, глаженія и мытья бѣлья, занимаются шитьемъ мужскаго платья, предназначеннаго преимущественно для арестантовъ, выходящихъ изъ тюрьмы, а также мозаическими издѣліями на камнѣ. Это производство здѣсь достигло значительнаго совершенства, такъ-что удостоилось даже медали на одной изъ національных хозяйственныхъ выставокъ и даетъ порядочный доходъ; по словамъ начальницы заведенія, мозаичныя работы даютъ столько, что хватаетъ на пищу всѣмъ заключеннымъ. Въ обѣихъ тюрьмахъ существуетъ раздѣленіе на 3 класса, которымъ опредѣляется и частость свиданій или переписки съ родными; въ женской тюрьмѣ лица, находящіяся въ высшемъ—3 классѣ—пользуются правомъ писать разъ въ мѣсяцъ; во 2-мъ—1 разъ въ 2 мѣсяца, въ 3-мъ—1 разъ въ 4 мѣсяца; при хорошемъ поведеніи заключеніе

сокращается на $\frac{1}{3}$ срока. Школа организована подобно тому, какъ въ Пентонвилѣ; въ женской тюрьмѣ на 632 заключенныхъ 5 учительницъ, которыя съ каждой изъ арестантокъ обязаны заниматься лишь разъ въ недѣлю и то въ келіяхъ. Наказанія въ женской тюрьмѣ: посаженіе на хлѣбъ и на воду не свыше 3-хъ дней, а также наложеніе металлическихъ наручниковъ; послѣднее практикуется въ рѣдкихъ случаяхъ, главнымъ образомъ—тогда, когда арестантки нападаютъ на надзирательницу, что, судя по видѣнному мною, тамъ происходитъ не такъ рѣдко. Дѣло въ томъ, что я нигдѣ не замѣчалъ такого вольнаго поведенія заключенныхъ, какъ въ данной тюрьмѣ; когда мы съ директрисой или начальницей входили въ общія мастерскія, то шумъ почти не улегаясь: заключенныя подсмѣивались, кривлялись. Въ этомъ отношеніи женская тюрьма представляетъ полнѣйшую противоположность мужской; насколько можно было заключить по вѣшнему виду—здѣсь царствуетъ суровая, мертвящая дисциплина, въполнѣ отвѣчающая холодному, неумолимому характеру англо-саксонской націи.

По вопросу объ исправимости преступниковъ лица, сопровождавшія меня въ англійскихъ тюрьмахъ, не дали особенно утѣшительныхъ отвѣтовъ; по ихъ мнѣнію, существуютъ субъекты, недоступные исправленію, ибо ихъ органическая испорченность неизбежно наталкиваетъ на преступленіе. Впрочемъ, добрая половина заключенныхъ—исправимы, что они и доказываютъ своимъ поведеніемъ въ тюрьмѣ; если же по выходѣ изъ нея многіе изъ нихъ выпадаютъ въ рецидивъ, то это слѣдуетъ приписать не столько ихъ испорченности, сколько тяжелымъ условіямъ борьбы за существованіе.

Что касается, наконецъ, собранія матеріаловъ по вопросу о преступленіяхъ противъ религіи, то въ этомъ отношеніи мною было сдѣлано довольно много въ Парижѣ, въ Національной Библіотекѣ. Здѣсь, какъ извѣстно, работать чрезвычайно удобно; огромная, роскошная, хорошо отопливаемая и вентилируемая зала съ высокимъ сводомъ, покрытымъ стеклами, бросающими внизъ массу

свѣта, удобные кресла и столы для посѣтителей, царящая вокругъ какая то таинственная, какъ-бы вдохновляющая тишина, полный порядокъ и быстрота при выдачѣ требуемыхъ книгъ—все это весьма располагаетъ къ труду и дѣлаетъ изъ него чистое наслажденіе: посѣтитель не замѣчаетъ, какъ пробѣгутъ 4 или 5 часовъ усиленной, сосредоточенной работы. Въ Національной Библіотекѣ я преимущественно занимался изученіемъ философовъ и писателей, пролившихъ свѣтъ на вопросъ о религіозной терпимости и свободѣ, какъ французскихъ, такъ и другихъ; само собою разумѣется, что здѣсь нашлись труды всѣхъ французскихъ мыслителей, писавшихъ по данному вопросу; но что особенно было для меня важно, такъ это то, что я здѣсь же нашелъ прекрасно переведенные труды и чужихъ великихъ писателей, такихъ какъ Спиноза, Локкъ, Мильтонъ, Фома Морусъ, Бентамъ и др., знакомство съ которыми для меня было необходимо. Такимъ образомъ, почти собранъ былъ матеріалъ для цѣлой главы, которую я предполагилъ назвать „Очеркомъ реформаторскихъ ученій объ отношеніи государства къ религіозной свободѣ“. вмѣстѣ съ тѣмъ для меня выяснены были предѣлы религіозной свободы въ государствѣ, а слѣдовательно и путь для опредѣленія объема религіозныхъ преступленій въ наше время. Обратившись съ этою послѣднею цѣлью къ трудамъ французскихъ юристовъ, я, правду сказать, нашелъ въ нихъ мало цѣннаго; ихъ труды посвящены болѣе выясненію положительной стороны интересующаго меня вопроса, чѣмъ отрицательной; они болѣе говорятъ о правѣ религіозной свободы, чѣмъ о нарушеніяхъ этого права. О послѣднихъ говорится вскользь, мимоходомъ, а не обстоятельно; въ французской юридической литературѣ мы не встрѣчаемъ стройнаго построенія догмы религіозныхъ преступленій; изложеніе послѣднихъ у криминалистовъ болѣею частью не идетъ далѣе комментарія положеній уголовного кодекса, такъ-что тщетно было бы искать какихъ либо теорій противорелигіозныхъ посягательствъ; эти теоріи намъ даютъ нѣмцы.

Сочиненія того же автора:

О воровствѣ — кражѣ по русскому праву, вып. 1-й, 1880 г.; въ продажѣ болѣе нѣтъ.

Особые виды воровства — кражи по русскому праву, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада, 1886 г. Ц. 2 р. 25 к.

Роль обычая въ уголовномъ законодательствѣ, 1888 г. Ц. 20 к.

Понятіе уголовного права и основаніе наказанія, 1883 г. Ц. 20 к.

Очеркъ научной дѣятельности проф. А. Кистяковского, 1885 г. Ц. 20 к.

Отношеніе къ религіозной свободѣ въ древнемъ и среднемъ мірѣ, 1886 г. Ц. 20 к.

Къ вопросу о высшемъ юридическомъ преподаваніи, 1886 г. Ц. 20 к.

Мифологическое значеніе нѣкоторыхъ преступленій совершаемыхъ по суевѣрію, 1888 г.; въ продажѣ нѣтъ.

Свобода совѣсти въ С. Америкѣ, 1884 г.; въ продажѣ нѣтъ.

ЦѢНА 35 К.